

**Военные
Приключения**

ЗАГОВОРЩИКИ

**ПЕРЕД
РАСПЛАТОЙ**

НИК. ШПАНОВ

Поджигатели

Николай Шпанов

Заговорщики. Перед расплатой

«ВЕЧЕ»

1951

Шпанов Н. Н.

Заговорщики. Перед расплатой / Н. Н. Шпанов — «ВЕЧЕ»,
1951 — (Поджигатели)

ISBN 978-5-4444-8833-1

Завершилась самая страшная война в истории человечества. Однако противники мира, привыкшие зарабатывать на чужой крови, по-прежнему не унимаются: готовятся новые провокации в Европе, разбитые гитлеровцы мечтают о реванше, продолжаются жестокие бои в Китае. Но на пути у заговорщиков вновь встают обычные люди: и ветераны – участники испанских интербригад, и представители нового поколения, на себе испытывшие ужасы Второй мировой... Этим, неожиданно вновь ставшим злободневным, романом автора многих советских бестселлеров зачитывалось не одно поколение любителей остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4444-8833-1

© Шпанов Н. Н., 1951

© ВЕЧЕ, 1951

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	39
Глава 7	49
Глава 8	53
Глава 9	64
Глава 10	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ник. Шпанов
Заговорщики. Перед расплатой

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Часть первая

Вершина мачты корабля – Нового Китая – уже показалась на горизонте, рукоплещите, приветствуйте его! Радуйтесь, Новый Китай принадлежит нам!

Мао Цзе-дун

Глава 1

В монгольской степи, всхолмленной беспорядочно сталкивающимися грядами плешивых бугров и изрезанной морщинами каменистых оврагов, стоял одинокий, заброшенный монастырь.

Глинобитная стена вокруг монастыря местами обрушилась. Под приземистой пагодой ворот давно не было решетчатых створок. Квадраты окон с выломанными переплетами глядели в степь черными провалами. Никто не помнил, когда последний лама пользовался этим убежищем.

Долгое время после ухода лам вокруг этого места растекалось зловоние – неразделимая смесь вековой копоти, тлеющих тряпок, чеснока и тухлятины. Но со временем пронзительный ветер пустыни очистил щели, из которых не могли выгнать падаль шакалы и крысы, солнце прокалило развалины.

Днем над черепичной крышей поднимался мощный столб воздуха. Он был еще более горяч, чем над пустыней вокруг. К этому столбу слетались степные орлы. Восходящий поток давал им возможность парить целыми часами. Орлы кружили над каменным квадратом, высматривая барсуков и полевых мышей.

Ночами обвалившиеся своды храма и длинных переходов, как огромный каменный рупор, посылали в молчание степи заунывный плач шакалов.

Некоторое время из монастыря доносился еще мелодичный перезвон колокольцев. Иногда даже глухо гудел большой бронзовый гонг. Это случалось, когда ветер пустыни врывается в кумирню. Среди ночи этот звон казался не только удивительным, но и страшным.

Ламы, бежавшие во Внутреннюю Монголию и в Тибет под крылышко далай-ламы, попробовали было пустить слухок: боги, мол, прячутся в недоступных глазу закоулках своего жилища; боги выходят по ночам и дают знать, что живы. Не спеша позванивает бубенчиками тихий Наго-Дархи, суля богатые пастбища; потрясает сразу всеми шестью золотыми руками свирепый Джолбог-Кунаг, грозя напустить на нечестивцев злого духа в дороге, лишить их богатства и своей защиты от пуль на войне.

Но как ни старались ламы, их шепоту не за что было зацепиться в Новой Монголии. Порыв ветра пронес слух по степи мимо людских ушей и бесследно развеял его вместе с тучей колючего песка над раскаленными камнями Гоби. Боги все-таки умерли. Колокольцы пригодились пастухам.

Перезвона в храме не стало слышно даже в самое ветреное время. Ни горячий гобийский вихрь, ни морозный буран с Забайкалья не заставляли больше греметь большой бронзовый гонг Чеподыля.

Так вместе с богами умерли и последние «священные» звоны в степи. Она жила теперь только теми звуками, какие рождает земная жизнь. Как голос далекого прибоя, шуршала под ветром трава, доносился из-под облака орлиный клекот, и истошно плакали ночами шакалы.

Прислушиваясь к их лаю, Бельц время от времени машинально хватался за пистолет. То и дело он спотыкался об острые камни и посылал проклятия темноте и бесшумно двигавшемуся впереди Хараде.

Еще больше проклятий приходилось на долю гоминьдановских механиков и американских моторов. Бельца не покидала уверенность: будь на месте китайских механиков немцы, не было бы аварии. Он сбросил бы Хараду над указанной точкой и не тащился бы теперь по этой черной пустыне, навстречу смерти в монгольской тюрьме.

Бельц вытащил раздавленную парашютной лямкой пачку сигарет. Но тут же убедился в том, что на ходу закурить не удастся, а остановиться – значило отстать от Харады. Слуга покорный! Он уже испытал удовольствие искать японца в темноте после посадки. Теперь он старался не терять из виду едва различимый силуэт майора.

– Алло, Харада-сан! – сказал Бельц. – Давайте передохнем.

Японец пробормотал что-то неразборчивое. Бельц не мог понять, остановился Харада или нет. Легких шагов японца не было слышно и на ходу.

– Харада-сан! – раздраженно повторил Бельц и тут же неожиданно увидел силуэт майора рядом с собою.

– Решаюсь привлечь ваше благосклонное внимание к моему скромному мнению, – сказал японец. – Я бы не позволил себе зажигать спичку.

– На пятьсот километров в окружности нет ни души.

– Моей ограниченности не дано знать, на каком расстоянии от нас имеются живые люди.

– Люди в пустыне? Не валяйте дурака! – грубо сказал Бельц.

– И все же позволяю себе заметить: мы находимся в чужой стране...

– Благодарю за открытие.

– Притом в весьма враждебной стране.

– Весьма полезная справка.

– Эти скромные соображения дают мне основания думать, что зажигание огня даже в виде маленькой спички было бы несвоевременным, – уже не скрывая раздражения, повторил Харада.

– Будь трижды проклято все это дело и все ваши соображения! – сквозь зубы пробормотал Бельц.

– Я очень сожалею о ваших мыслях...

– Когда порядочный человек попадает в такую паршивую историю, он имеет право выкурить сигарету, даже если из-за этого могут повесить его уважаемого спутника, – насмешливо сказал Бельц.

Харада вежливо втянул воздух сквозь зубы и тихо рассмеялся. При этом Бельц представил себе выпяченные вперед, большие, как у лошади, желтые зубы японца и всю его опротивевшую летчику физиономию. Просто счастье, что ее не видно в темноте!

Свое раздражение против подведшего его мотора Бельц переносил на Хараду, которого должен был сбросить на парашюте над территорией Монгольской Народной Республики. Теперь Бельцу казалось глупостью собственное опрометчивое предложение отвезти этого зубастого майора. Вот плоды немецкого усердия! В этой стране они, по-видимому, вовсе неуместны.

– Вы уверены, что идете именно туда, куда нужно? – спросил Бельц тем же недовольным тоном.

По молчанию японца он заключил, что тот колеблется. В этом колебании не было ничего удивительного. Бельц помнил, с каким трудом они выбирали точку для выброски парашютиста. Эта точка, помеченная на карте трудно произносимым словом «Араджаргалантахит», вероятно, находится несколько к юго-западу от места, где они потерпели аварию. Но было ли до нее десять километров, или тридцать, или, может быть, все сто, немец не мог теперь сказать.

Он потерял ориентировку в момент падения самолета, последние данные маршрута вылетели у него из головы.

Если бы не тупая уверенность, с которой семенял впереди него японец, Бельц попросту лег бы в какую-нибудь яму и подождал рассвета. Ему казалось, что при свете дня он мог бы ориентироваться.

– Собственно говоря, что такое этот Араджар?..

Он запнулся.

Добавляя к каждой согласной гласную, Харада старательно выговорил:

– Арадажарагаланатахита?.. Храм, покинутый вследствие разрушения веры в богов.

– За каким же чертом вы идете именно туда?

– Так сказано в моей инструкции.

– Эта инструкция для вас одного.

– Ваше присутствие не имеет для меня значения... Я бы совсем не хотел, чтобы меня нашли монголы.

– Идемте к границе, там нас найдут свои.

Японец опять звучно втянул воздух.

– Решаюсь заметить: «свои» нас искать не будут.

– Вас не будут, а меня будут, – презрительно возразил Бельц.

– Позволяю себе думать: вас тоже никто не будет искать.

Бельц понимал, что это правда, но с такой правдой сознание не хотело мириться. Нужно было верить, что кто-то о нем заботится. За ним пошлют самолет. Вопреки доводам разума и реальной возможности, Бельц должен был этому верить. Иначе нужно было бы сейчас же пустить себе пулю в лоб. Слишком нелепо было бы допустить, что все должно кончиться именно так и именно тут.

Столько лет благополучно прослужив в немецкой авиации, закончить карьеру в роли наемника какого-то гоминьдановского генерала, и даже не в бою, а из-за глупейшего недосмотра китайского механика...

Вдруг ярко сверкнувшая мысль заставила Бельца остановиться:

«Небрежность механика? А что, если дело вовсе не в небрежности и даже не в неумении обращаться с американской техникой? Что, если это умысел?..»

Чем дольше Бельц над этим думал, тем больше ему вспоминалось всяческих мелочей, свидетельствовавших о том, что на большой авиационной базе американо-чанкайшистской авиации, которой так хвастались когда-то японцы, а теперь хвастаются Ведемейер и Ченнолт, далеко не все обстоит так блестяще, как кажется американцам. Сотни самолетов, базирующихся на аэродром Цзиньчжоу, содержатся черт знает как. Тысячи тонн боеприпасов разбросаны открыто по всему аэродрому в блаженной уверенности, что у красных нет бомбардировочной авиации. А эти постоянные аварии при взлетах и посадках из-за ям, неожиданно-негаданно появляющихся по всему летному полю! А вечно портящиеся в воздухе моторы, отказывающие взрыватели!.. И так без конца! На одну бы недельку пустить сюда молодчиков Гиммлера, они навели бы надлежащий порядок. Чан Кай-ши понял бы, что недостаточно налево и направо раздавать заподозренным пули в затылок, недостаточно выворачивать им руки, ломать ребра, отрезать языки и уши. Тут нужно что-то потоньше примитивного средневекового устрашения. Если Бельцу удастся вернуться в Цзиньчжоу, а это должно удалиться, он настоит на том, чтобы в его секторе были введены немецкие способы слежки за техническим персоналом. Непременнo нужно будет ввести заложничество механиков, может быть даже круговую поруку всех механиков полка за каждый испортившийся в полете самолет. Это будет надежно. Хотя, впрочем, что надежного может быть в такой удивительной стране, где даже кровожадный палач Чан Кай-ши не может никого запугать?! Господи, только бы вернуться в Цзиньчжоу!

– Послушайте, Харада-сан... Я больше не желаю искать эту проклятую кумирню! – крикнул Бельц в темноту.

В ответ послышалось спокойно-равнодушное:

– Как вам будет угодно.

– И вы тоже не пойдете к ней.

– Я позволю себе не согласиться... – японец прошипел: – Почтительнейше не соглашаюсь с вами.

– Повторяю: вы не пойдете туда!

– Именно пойду.

Японец приблизился. Бельц смутно различил его лицо.

– Я иду обратно. И вы идите со мной, – сказал летчик.

– Моя инструкция... – снова начал было японец, но Бельц не стал слушать.

– Мой приказ...

– Позволю себе напомнить, тесе какка, приказывать мне может только тот, кто послал меня сюда.

– Тут старший я!

– Извините, но вы для меня только шофер. – Японец, словно извиняясь за такое сравнение, особенно сильно потянул воздух. – Именно так: шофер, позволю себе сказать с особенной настойчивостью, – Харада поклонился.

Ударить его по темени или пустить в это темя пулю – вот чего больше всего на свете хотелось сейчас Бельцу. Но он не мог себе позволить такого удовольствия. Только сказал:

– Вы не сделаете дальше ни одного шага.

– Мы можем опоздать к цели.

– Когда я отдохну, мы пойдем к границе... Садитесь!

Харада послушно опустился на корточки. Его силуэт стал похож на кучу камней, о какие поминутно спотыкался Бельц. Немец сразу успокоился: он заставит японца вывести его к границе. До всего остального ему нет дела.

Бельц пошарил вокруг себя ногою, пытаясь отыскать что-нибудь, на что можно было бы сесть. Ничего не нащупав, опустился прямо на землю.

– Как хотите, а я должен закурить, – сказал он через несколько минут, снова вынув смятую пачку, и стал на ощупь расправлять сломанную сигарету.

Так же на ощупь Бельц чиркнул спичкой и прикурил из горсти.

– Хотите? – спросил он японца, протягивая сигареты.

Харада не дотронулся до пачки и ничего не ответил.

Бельц, докурив, повторил:

– Отдохнем и пойдем к границе.

Он сказал это больше для самого себя, чем для японца. И снова не получил ответа.

Бельц передвинул кобуру с пистолетом на живот. Он пожалел, что в темноте японец не может видеть его движения: это было бы полезно. Бельц опустил голову на руки, упертые в неудобно растопыренные колени. Он задумался. Одна мысль была противнее другой. Было просто удивительно, сколько прожитых лет может пробежать в памяти человека за несколько минут. В эти мгновения, когда, борясь с усталостью, Бельц пытался отогнать овладевавшую им сонливость, его взор уходил в прошлое.

Как в окне мчащегося поезда, мелькали события детства, кадетский корпус, служба в авиации. Западный фронт Первой мировой войны, поражение и скучная работа в Люфтваффе, год почти ничегонеделания рядом с запутавшимся в своих сомнениях Эгоном Шверером, и опять война. Тут воспоминания сделались более отчетливыми: Польша в развалинах от немецких бомб, горящая Варшава, оккупация Франции, воздушный блиц над Англией, оказавшийся кровавой опереткой, рассчитанной на обман простаков, которым незачем было знать о том,

что творится за кулисами этой «битвы за Англию»... Возвращение в транспортную авиацию, вызов к рейхсмаршалу и посылка в личный отряд фюрера; за этим снова приятная служба пилотом рейхсмаршала, производство в генералы и командование личным отрядом Геринга, многочисленные полеты во все страны Европы и неизменное возвращение с трофеями. Потом пожар от бомбы, уничтожившей квартиру вместе со всеми трофеями, метание между Ставкой и Восточным фронтом... Темные слухи, идущие с востока; превращение немецкой авиации из ястреба, безнаказанно клюющего добычу, в затравленную ворону, от которой во все стороны летят окровавленные перья. Немцы, которые хотели и отваживались следить за передачами радиостанций «Свободная Германия», могли слышать советские сводки. А эти сводки говорили, что события развиваются с молниеносной быстротой. 21 апреля слово «Берлин» уже упоминалось в связи с действиями советской пехоты и танков.

«...Гитлеровцы пытались любой ценой не допустить выхода наших войск к Берлину. Они сняли с других участков фронта ряд дивизий и ввели в бой все запасные части. Гитлеровцы построили огромное число долговременных сооружений, а также широко разветвленные полевые укрепления. Наши войска мощным ударом сломили ожесточенное сопротивление противника... Места боев завалены тысячами трупов немецких солдат и офицеров... Немецкое командование, стремясь преградить путь советским войскам, бросило в бой все имеющиеся силы. Берлинские военные школы прекратили занятия, а курсанты и обслуживающий персонал посланы на фронт. Гитлеровцы объявили в Берлине поголовную мобилизацию мужчин от 15 до 65 лет...»

Эфир все чаще доносил до слуха немцев слово «Берлин». Оно звучало уже не только в устах дикторов-подпольщиков «Свободной Германии», а и в сообщениях самого гитлеровского командования. Но нацисты умудрялись так затемнять истинный смысл событий, что подчас создавалось впечатление, будто осталось несколько минут до окончательной победы Германии. Однако тот, кто хотел знать, что его ждет, закрывал двери подвала, втайне прижимал к ушам наушники радио и слушал суровую правду возмездия:

«Слушайте сводку Советского информационного бюро...

Наши танки и пехота, наступающие с северо-востока, заняли пригороды Берлина Бланкенбург, Мальхов и ворвались в пригород Вейссензее. Весь день шли ожесточенные бои. Советские штурмовые группы, усиленные орудиями, очищали квартал за кварталом, подавляя вражеские узлы сопротивления».

«Вражеские» узлы сопротивления... «Вражеские»!

Мысль берлинца, дрожащими пальцами прижимающего наушник, спотыкается об эти слова. Он старается понять смысл термина «вражеский», пропускает несколько слов сообщения и, окончательно освоившись с тем, что «вражеский» – это значит гитлеровский, слушает дальше:

«Заняты фабрика “Ределер”, трамвайный парк, электростанция и ряд промышленных предприятий, превращенных немцами в опорные пункты обороны. К исходу дня наши части...»

Такие знакомые места!

«Наши части»... «наши»?.. Ах да, ведь это же русские!

«...наши части полностью заняли пригород Вейссензее и ведут бои в районе окружной железной дороги. Наши войска, наступающие с востока, мощным ударом прорвали долговременную оборону немцев в полосе озер и заняли пригороды Берлина Мальсдорф, Фихтенау и Вильгельмсхаген. Ожесточенные бои произошли также за Фюрстенвальде – мощный опорный пункт обороны немцев юго-восточнее Берлина. Сильными ударами советские части выбили гитлеровцев из северной части города. К исходу дня вражеский гарнизон был полностью разгромлен и отступил в беспорядке. Противник несет огромные потери. По неполным данным,

за день уничтожено до восьми тысяч немецких солдат и офицеров. Бои на Берлинском направлении продолжаются днем и ночью, не стихая ни на час...»

Господи боже, восемь тысяч немцев в день! Восемь тысяч... Еще восемь тысяч к тем миллионам, которые уже заплатили своей кровью за безумие Гитлера... Кровь, кровь, кровь!..

Обессиленные пальцы берлинца выпускают наушники, и, уронив голову на приемник, он разражается истерическим рыданием. Но его рыданий никто не слышит. Они заглушаются грохотом канонады, громом авиабомб, воем мин и рокотом непрекращающихся обвалов. Падают стены, рушатся дома, горят кварталы и целые предместья. Германия платит камнями и кровью Берлина по последнему счету народов.

С этой адской музыкой смешивается стук ротационной машины в подземной типографии геббельсовской газетенки «Ангрифф». Полумертвый от страха и голода печатник глазами сумасшедшего смотрит на мчащуюся ленту бумаги. Краска оставляет на ней последние паскудные следы творчества пьяницы Роберта Лея:

«Священная миссия фюрера.

Вчера, в день рождения фюрера, я думал об этом несравненном муже, об его исторической миссии и о сверхчеловеческих усилиях, затраченных им для спасения германского народа.

Что было бы, если бы Адольф Гитлер не принес нам свою идею? Что случилось бы с германским народом, если бы провидение не подарило нам этого человека?

Соппротивление германского народа не будет сломлено, ибо нельзя сломить Адольфа Гитлера».

Ни «Ангрифф», ни какую-либо другую газету уже нельзя разносить по Берлину. Штабеля свежих номеров, распространяющие клозетную вонь краски-эрзаца, загромождают улицу возле типографии. Проползающий мимо взвод фольксштурмистов расхватывает газеты и тут же, под стеной, утилизирует их для своих надобностей. У солдат почти непрерывный понос от животного страха, эрзацев хлеба, эрзацев масла и эрзацев правды, которыми их пичкает Гитлер.

– Бумага теперь такая редкая штука в Берлине! Если она есть, нужно ее использовать!..

– Эй, Ганс, – кричит один фольксштурмист другому, – лик дорогого фюрера оставил у тебя черный след...

Но ни один из них не решается произнести, хотя оба думают про себя: «Господи, хоть бы нашелся кто-нибудь, кто пустил бы в эту рожу пулю. Может быть, я еще остался бы тогда жив...»

Такие мысли в головах девяти из десяти берлинцев – уже катастрофа для гитлеровского режима, но господа на нацистском олимпе еще не представляли себе ее истинных размеров или сознательно закрывали на нее глаза, хотя и самый олимп уже переехал под землю и скрывается в бункере Гитлера.

Потерявшие рассудок божки еще грызутся за власть. Едва ли не все действующие лица кровавого фарса являются тайными соперниками друг друга. Гиммлер настороженнее, чем когда-либо, следит за Герингом, намереваясь использовать момент, когда «наци № 2» всадит нож в спину «наци № 1». Тогда Гиммлер попытается влезть на вершину кучи, повесив Геринга. Борман следит и за Герингом, и за Гиммлером. Втихомолку наушничает Гитлеру на всех трех адмирал без флота Дениц, рассчитывая принять от фюрера власть в приближающийся неизбежный день, когда Гитлер должен будет исчезнуть.

Все это в большей или меньшей степени ясно уже всякому наблюдательному человеку, который, подобно Бельцу, повседневно трется среди кукол берлинского гиньоля. Можно было только удивляться тому, что Геринг был еще способен острить:

– Черт побери, если бы в свое время покушение на фюрера удалось, мне ведь пришлось бы теперь действовать!..

Слушатели опускали глаза. Ни у кого не хватало духу ответить, хотя все понимали, почему именно теперь рейхсмаршалу приходят на память панические дни сорок четвертого года. Только Гиммлер шептал на ухо Деницу:

– Не знаю, что знает Геринг, а я-то знаю: только не он!

Но и Дениц молчит. Он знает то, чего еще не знает и Гиммлер. Гитлер сказал адмиралу с глазу на глаз в своем бункере под имперской канцелярией:

– Только не Геринг и не Гиммлер!.. Я говорю это вам, так как хочу, чтобы именно вы были готовы ко всему.

Дениц слушает теперь Гиммлера с неподвижным лицом. Он еще боится рейхсфюрера СС. Он не хочет стать объектом его охоты.

Геринг мечется между имперской канцелярией и Каринхалле, где Эмма Зоннеман наблюдает за укладкой всего, что ее «милый Герман» хочет спасти от русских. Багаж все сокращается и сокращается. Сначала его упаковывали в огромные ящики, которые хотели вывезти на грузовиках: тут было все, что свозилось в замки Геринга на протяжении пяти лет войны. Потом эти ящики были заброшены: не осталось шоферов, которым можно было доверять, не стало и грузовиков. Под надзором Эммы заготовили длинные чехлы и кожаные сумки для картин и драгоценностей – единственного, что уже можно было вывезти на нескольких легковых машинах; наконец, прижимая к себе испуганную восьмилетнюю Эдду, Эмма принялась сортировать и драгоценности, чтобы решить, что можно увезти на самолете. И вот наступил час бегства Геринга с Эммой и Эддой. Гитлер принял это бегство за попытку рейхсмаршала захватить власть, сговорившись с американцами...

Борман с радостью поддержал слух об измене Геринга. Он тут же, 23 апреля, позвонил Гитлеру в подземелье имперской канцелярии:

– Герман организовал путч. Он намерен обосноваться на юге. Он приказал большей части правительства, переехавшей на север, немедленно явиться к нему. Мы должны помешать вылету членов правительства на юг. Необходимо лишить Германа всех постов и чина рейхсмаршала. От вашего имени я уже поручил генерал-фельдмаршалу Грейму командовать воздушными силами.

– Он не генерал-фельдмаршал! – сварливо заметил Гитлер.

Это было единственное, что он нашелся возразить.

– Ваш приказ об его производстве в генерал-фельдмаршалы уже передан по телеграфу, – ответил Борман. И так, поспешно, чтобы не дать Гитлеру перебить себя, продолжал: – Через офицера связи вице-адмирала Фосса Деницу уже приказано принять меры к тому, чтобы ни один самолет на севере не мог подняться без его личного разрешения.

– Расстреливать в воздухе... – прохрипел Гитлер. – Сейчас же, немедленно отдайте приказ: «В случае моей смерти все лица, совершившие предательство 23 апреля, должны быть расстреляны без суда и следствия там, где будут застигнуты». – И после минутного молчания продолжал: – Борман, составьте документ, о котором должны знать мы двое: если я умру, Геринг должен быть уничтожен, где бы его ни нашли. Слышите, Борман: уничтожен во что бы то ни стало! Власть не достанется ему, даже в случае моей смерти, не достанется!

– Будет сделано, – с готовностью согласился Борман.

Можно было подумать, будто ни Гитлер, ни Борман, ни остальные не имеют представления о творящемся на фронте. Но даже если бы им не говорили правды их генералы, то перед всеми главарями нацистской шайки лежали немецкие переводы сводок советского командования за то же самое 23 апреля:

«Войска 1-го Белорусского фронта, развивая успешное наступление, ворвались в столицу Германии Берлин. Противник яростно сопротивляется, но под ударами советских войск оставляет одну позицию за другой. Ожесточенные бои происходили в северо-восточной части Берлина. Немцы ввели в бой несколько пехотных полков и до 40 отдельных батальонов. Опира-

ясь на укрепления, построенные у линии окружной железной дороги, противник неоднократно переходил в контратаки. После сильного артиллерийского обстрела вражеских позиций наши войска прорвали вражескую оборону. Занят газовый завод и ряд городских кварталов. Занят аэродром. Места боев завалены трупами немецких солдат и офицеров.

Немецкое командование принимает самые крутые меры к усилению сопротивления своих войск. Вчера немецким артиллерийским частям был передан по радио приказ – стрелять по своей отступающей пехоте осколочными снарядами. На все просьбы командиров частей разрешить отход немецкое командование неизменно отвечает: “Держитесь при любых обстоятельствах. Кто отойдет – будет расстрелян”».

И Гитлер, и Борман, и Геринг, и остальные – все они знали, что на улицах Берлина появились виселицы: на них болтаются немцы, не желающие больше защищать эту шайку; все они знали, что эсэсовцы тратят почти столько же зарядов на расстрел отступающих солдат, сколько на стрельбу по наступающим русским. Сидя в своих бункерах, разбойники знали все...

Теперь, раздумывая среди черной, как чернила, монгольской степи, Бельц отлично понимал, что Геринг и не помышлял об «измене». Он никогда не решился бы на нее, боясь пули Гимmlера, только и искавшего повод отделаться от самого сильного соперника. Геринг, вероятно, вздохнул бы с облегчением, если бы знал, что случилось на севере после его бегства на юг. Уже 30 апреля Дениц получил радиogramму из имперской канцелярии:

«Раскрыт новый заговор. Согласно сообщению неприятельского радио, рейхсфюрер СС Гимmlер сделал через посредство Швеции предложение союзникам о капитуляции. Фюрер не был об этом информирован и с этим не согласен. Фюрер ждет, что вы будете действовать против всех изменников молниеносно и решительно.

Борман».

Геринг плясал бы от удовольствия, если бы мог видеть Деница в минуту получения этого радиоприказа: «Действовать молниеносно и решительно» против Гимmlера, в подчинении которого находились полиция, СС, гестапо, вся армия запаса, все силы внутренней охраны! Чем мог действовать Дениц: артиллерией стоявших на приколе старых броненосцев? Торпедными аппаратами подводных лодок? Чего стоила вся власть Деница? Борман, под влиянием уговоров Шпеера, 30 апреля послал все-таки депешу о назначении адмирала преемником фюрера, который уже не мог об этом и знать, так как был мертв.

Телеграмма от имени трупа гласила:

«Гроссадмиралу Деницу.

Господин гроссадмирал! Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначил вас своим преемником. Письменные полномочия высланы. Отныне вы должны принимать все необходимые меры, вытекающие из нынешнего положения.

Борман».

«...Меры, вытекающие из нынешнего положения»! – если бы адмирал имел хотя бы приблизительное представление о положении! Что-нибудь, кроме того, что на него свалился весь позор и ужас Германии, груза которых не выдержали другие главы.

Наконец на следующее утро прибыла еще одна радиogramма:

«Гроссадмиралу Деницу.

Завещание вступило в силу. Я прибуду к вам как можно скорее. До тех пор, по моему мнению, опубликование следует задержать. Борман».

Это было запоздалым сообщением о том, что Гитлер больше не существует.

Дениц окончательно растерялся. Его руки дрожали, принимая столь долгожданную власть. Он вызвал для совещания Кейтеля и единственного находившегося поблизости члена правительства министра финансов Шверина фон Крозиг. Шверин фон Крозиг согласился возглавить кабинет министров, но при условии, что будут немедленно арестованы Геббельс и Борман. Дениц обещал. Но когда Кейтель и Крозиг ушли, он сказал своему флаг-капитану:

– Мне вскоре придется вступить в контакт с противником, быть может через того же Бернадотта, которого не сумел использовать Гиммлер. Риббентроп для этого не годится. Из-за его тупости мы и оказались втянутыми в войну. Учитывая предстоящие переговоры, на посту министра иностранных дел необходим человек, с которым согласятся говорить иностранцы. Узнайте, где находится фон Нейрат.

Попытки найти Нейрата ни к чему не привели. Он тщательно скрывался, очевидно стараясь остаться в стороне от развязки, неизбежность которой понимал. Дениц приказал привлечь к этим поискам Риббентропа. Обеспокоенный таким поручением, Риббентроп тотчас явился к Деницу. Адмирал объяснил ему, зачем понадобился Нейрат, и приказал, в случае если так и не найдут Нейрата, назвать другую кандидатуру.

Риббентроп вернулся в тот же вечер и предложил в качестве единственного кандидата самого себя. Но Дениц приказал ему сдать пост министра фон Крозигу и велел установить неотступное наблюдение за самим Риббентропом, чтобы не дать ему возможности войти в контакт с Гиммлером. Дениц боялся, что эти двое, сговорившись, сумеют не только устранить его самого, но и физически уничтожить.

За час до времени приема, назначенного Гиммлеру, к Деницу пришел гаулейтер Вегенер и предупредил, что, по имеющимся у него данным, Гиммлер не намерен сдаваться без боя.

Тотчас был образован отряд из надежных подводников-нацистов и размещен в комнатах рядом с той, где Деницу предстояло принять бывшего рейхсфюрера СС. Под бумаги, разложенные на письменном столе, Дениц сунул пистолет.

Гиммлера ввели в кабинет два адъютанта Деница. Адмирал колебался несколько мгновений, прежде чем решился отпустить адъютантов и остаться с глазу на глаз со «страшным Генрихом». Затем Дениц дал ему телеграмму Бормана. Гиммлер прочел, смертельно побледнел, но после некоторой задумчивости встал и официально поздравил Деница.

– Позвольте мне в таком случае, – добавил он, – быть вторым человеком в государстве. Чувствуя, как холодеют у него кончики пальцев, Дениц решил ответить:

– Нет, я обойдусь без вас.

– Едва ли, – нагло заявил Гиммлер. – Капитуляция неизбежна, это должно быть вам ясно.

– При чем тут вы? – уклончиво спросил Дениц.

– У меня уже налажена прочная связь с Эйзенхауэром и Монтгомери.

– Через Швецию? – вырвалось у Деница.

Гиммлер усмехнулся:

– Теперь Швеция мне не нужна.

– Я вас не понял.

– Я имею непосредственную связь с американцами.

– Каким образом?

– Это мое дело... Я же вам сказал: вам без меня не обойтись. Кроме того, вы должны учесть, что я и мои войска СС незаменимы как фактор общественного порядка в средневро-

пейском пространстве... – И после некоторой паузы Гиммлер добавил: – Я тут хозяин и еще долго им останусь.

– Вы переоцениваете свое положение, – попробовал осадить его Дениц, но Гиммлер еще более многозначительно возразил:

– Боюсь, что из нас двоих в худшем положении вы. Сотрудничество со мною...

– Вы хотите сказать: ваше сотрудничество со мною... – обиженно поправил Дениц.

– Если вам так больше нравится, но теперь дело не в церемониях: если вы хотите, чтобы американцы говорили с вами, как со своим человеком, вам нужен я.

– Попробую договориться с ними и без вас. Йодль уже действует по моему поручению.

– Йодль, Йодль! – насмешливо проговорил Гиммлер. – Что он может, этот Йодль! Если вы не найдете общего языка с Эйзенхауэром, он не станет больше принимать тех, кто хочет сдаться в одиночку, он угрожает оставить на произвол русских всех, кто очутится восточнее американских линий.

Дениц знал, что это верно, и с удивлением посмотрел на Гиммлера: откуда тому могут быть известны условия, выставленные американским командованием ему, Деницу? Он резко сказал:

– Если мы согласимся объявить о своей капитуляции до двадцати четырех часов восьмого мая, дело будет спасено. Эйзенхауэр согласится принять наши войска, какие успеют оторваться от русских, и перейти за линии англо-американцев.

– Без меня и моих СС у вас не будет возможности перегнать максимум войск и беженцев за линии американцев, – упрямо повторил Гиммлер.

– Вы больше не рейхсфюрер СС!

Гиммлер снял пенсне и несколько мгновений глядел на Деница удивленно вытаращенными близорукими глазами.

– Вы уверены? – спросил он наконец.

– Я отрешаю вас от всех должностей! – крикнул Дениц.

– Попробуйте объявить об этом... – насмешливо сказал Гиммлер. – Или вам хочется оказаться в руках русских?.. Я еще могу это организовать. За вас американцы цепляться не станут.

– Вон, сию же минуту вон! – больше от испуга, чем в негодовании, закричал Дениц.

Гиммлер исчез, и больше никто его не видел.

Дениц приказал подготовить радиопередатчик для обращения к войскам с призывом сложить оружие на западе и решительно продолжать борьбу на Восточном фронте, против русских. Но из-за неисправности радиоаппаратуры это обращение не попало бы в эфир, если бы на помощь не пришел дотоле не известный Деницу группенфюрер СС Вильгельм фон Кроне. Этот эсэсовский генерал каким-то образом оказался обладателем новенького американского военного радиопередатчика, по какому-то счастливому стечению обстоятельств сброшенного на парашюте американским самолетом именно в то место, где находился названный Кроне.

Седьмого мая Дениц получил известие из Реймса: в ставке Эйзенхауэра Йодль подписал капитуляцию. С этим делом спешили: немцы – чтобы дать англо-американцам «легальную» возможность продвинуться как можно дальше к востоку, навстречу советским войскам; англо-американцы – чтобы захватить под свою охрану возможно большее число германо-фашистов, которым не приходилось ждать, что советские солдаты дадут им возможность ускользнуть от справедливого суда народов.

Но из попытки сепаратного сговора Йодля с западными участниками антигитлеровской коалиции ничего не получилось. Подлинный победитель нацистского зверя – советский народ потребовал, чтобы гитлеровская Германия склонилась знамя ужасной войны не в случайном пункте, Реймсе, как того хотелось Эйзенхауэру и Монтгомери, и не рукою случайно подвер-

нувшегося гитлеровского подручного, а в самой берлоге фашистского зверя – в Берлине, и руками высшего немецкого командования; не втихомолку, а в подобающей обстановке.

После некоторого сопротивления англо-американского командования и дипломатии им все же пришлось принять советское требование, и капитуляция была подписана по всей форме, как того требовала политическая обстановка, в самом Берлине.

Когда вскоре к месту расположения Ставки Деница прибыли американский и британский представители Мэрфи и Рукс, Дениц пригласил их к себе. Он торопился свидеться с ними, прежде чем придет советский представитель в контрольной комиссии. Дениц очень боялся, что американец и англичанин откажутся разговаривать с ним без своего советского коллеги, но эти опасения оказались напрасными. Мэрфи и Рукс прибыли со всею доступной им поспешностью. Час продолжалось обсуждение животрепещущей проблемы «запад – восток» и вопросов передачи максимального числа нацистских войск в плен западным союзникам.

Лишь после того как прибыл советский уполномоченный и можно было без открытого нарушения элементарных приличий взять под англо-американскую защиту Деница и его окружение, они были перевезены во Фленсбург, на борт немецкого пассажирского парохода «Патриа», бывшего когда-то гордостью линии Гамбург – Южная Америка. Там и разыгралась заключительная сцена крушения того, что кучке гитлеровских последышей еще хотелось считать Германской империей.

Деница и прилетевшего из Реймса Йодля ввели в «зал заседаний», еще вчера бывший попросту судовым баром. Вдоль переборок стояли сдвинутые в сторону высокие стулья, на стойке сверкали кофейники и приборы бармена.

Длинный стол посреди салона был накрыт простой белой скатертью. Ничего не подозревавший Дениц не сразу решился положить на эту прозаическую скатерть свой жезл grossадмирала. Йодль первый почувствовал неладное в холодной официальности, с которой к ним обращались американские офицеры.

– Боюсь, как бы русские нам не испортили, – сквозь зубы проговорил он так, что его мог слышать только Дениц.

Адмирал не реагировал на это замечание, он не разделял опасений Йодля. Его недавний разговор с Мэрфи и Руксом вселил в адмирала уверенность, что достичь договоренности с союзниками нетрудно, лишь бы удалось оттереть в сторону русских.

Когда в каюту вошел Рукс, Дениц сделал было попытку улыбнуться, но тот отвел взгляд. Дениц понял, что американца связывает стоящий рядом с ним советский генерал. Рукс сухо проговорил:

– Джентльмены! Я получил инструкцию от штаба Верховного командования союзников на европейском театре сообщить вам, что действующее ныне германское правительство и Верховное командование берется под стражу вместе с рядом их сотрудников. Генерал Кейтель уже находится на положении военнопленного. Действующее ныне германское правительство распущено. Офицеры союзных армий проводят вас отсюда в ваши каюты, где вам надлежит сложить вещи, позавтракать и закончить все дела. После этого вас доставят на аэродром для дальнейшего следования к месту назначения на самолете.

Куда лететь, зачем? Неужели русские все-таки добились своего, и Деница ждет тюрьма?! Похоже на то... Если бы еще дело шло об одном Йодле – куда ни шло. Но он, Дениц! Нет, это немыслимо!

Адмирал еще старался кое-как держать себя в руках, но потрясение было слишком велико. Он весь поник. Ему хотелось тут же подняться и сказать что-нибудь высокомерно-резкое, однако ноги не повиновались ему, он беспомощно продолжал сидеть в кресле.

Не меньше, а может быть, еще больше, чем Дениц, был потрясен Йодль. Его лицо покрылось мертвенной бледностью, потом пошло красными пятнами. Особенно красным стал острый нос. Генерал силился что-то сказать, но дрожащие губы его не слушались. Его ненави-

дящий взгляд остановился на лице советского представителя в контрольной комиссии. Да, значит, предчувствие не обмануло Йодля: русские сделали-таки свое дело, они заставили американцев и англичан покончить с попытками гитлеровцев удержаться на ногах. Их нокаутировали.

Это было предательством со стороны американцев! Не для того он, Йодль, спешил в Реймс, не для того он убеждал оттуда свое командование не тянуть с капитуляцией перед западными державами...

Йодль обвел взглядом стоявших вокруг американских и английских офицеров, и снова вспыхнула надежда: не может быть! Этот спектакль – только игра американцев. Они не могут принести его в жертву русским требованиям возмездия! Не могут! Он нужен американцам. Он и все офицеры его штаба. Другое дело – Дениц. Пусть русские делают с адмиралом, что хотят. Но он, Йодль! Он же совершенно ясно договорился с американцами...

И тем не менее американцы были вынуждены посадить его в самолет и отправить в тюрьму.

С этого момента одно за другим прибывали известия об исчезновении или поимке нацистских главарей. Одним из первых исчез без следа Мартин Борман, покончил с собою Геббельс, вскрыл себе вены судетский гаулейтер Хенлейн, был схвачен Штрейхер, арестован в Праге Далюге... Целой вереницей шествовали они в американские тюрьмы, чтобы укрыться от гнева народов, чьи страны залили кровью, и от гнева своего собственного немецкого народа.

Когда Бельц потерял следы Геринга, он сам перелетел в американский тыл. За коротким пребыванием в плену последовало предложение выбирать между Вьетнамом и Китаем. Под словом «Вьетнам» Бельцу мерещились джунгли, москиты и неуловимые мстители с кривыми ножами; к тому же это означало бы службу у французов, которые сами не знали, что они будут есть завтра. В Китай же, как было известно, золотым потоком лились американские доллары; там делались хорошие дела на контрабанде, говорили, будто Ченнолт, командовавший американской авиацией у Чан Кай-ши, сколотил на контрабанде целое состояние.

Бельц выбрал Китай.

Глава 2

Уже много позже из разговоров с американскими офицерами Бельц узнал о судьбе несостоявшегося кандидата в фюреры Генриха Гиммлера: бежав из штаба Деница, Гиммлер решил один пробраться к американцам. Он переоделся в штатский костюм, сбрил усы и закрыл один глаз черной повязкой. В путь он отправился под именем Гиценгера, путешественника.

Однако это путешествие было внезапно прервано на мосту в Бремерферде. Хотя маскарад Гиммлера не возбуждал никаких подозрений, но солдату английской военной полиции что-то не понравилось в документах «путешественника Гиценгера». Патруль хотел подвергнуть «путешественника» допросу в своей караулке, однако «герр Гиценгер» отказался разговаривать с простыми солдатами. Очевидно, он рассчитывал, что офицеры окажутся к нему более снисходительными. Но на его беду «путешественника» привели не к какому-нибудь высокопоставленному политику в военном мундире, а к рядовому офицеру разведки 2-й английской армии генерала Демпси. Там Гиммлеру пришлось довольно скоро расстаться со своей черной повязкой и сбросить очки. Когда явился вызванный старший офицер разведки, он нашел «путешественника» уже раздетым догола. Быть может, решив, что долго его маскарад продолжаться не может, а может быть потому, что рассчитывал, открыв себя, найти более ласковый прием, Гиммлер назвалсЯ. К его ужасу, простым офицерам оказалось очень мало дела до тех обещаний, которые Гиммлеру давали американские политики при прежних тайных переговорах. Ему даже не вернули его платья. Он получил солдатские брюки, рубашку и одеяло. Завернувшись в это одеяло, он и сидел все дальнейшее время допроса. Пройдя через руки еще двух офицеров и будучи еще дважды раздет и обыскан, Гиммлер наконец очутился в автомобиле. Его повезли в штаб 2-й армии.

Тут у него воскресла надежда добраться до высокопоставленных чинов союзного командования, со стороны которых он рассчитывал встретить полное понимание и более теплый прием, нежели тот, какой оказывали простые британские офицеры. Но и эта надежда исчезла: на вилле армейской разведки его в четвертый раз раздели и подвергли еще более строгому осмотру при содействии врача.

Гиммлер понял: его хотят лишить возможности пустить в ход яд. Врач осмотрел его волосы, уши, подмышки, пальцы ног и рук, все части тела, где только можно было скрыть яд. Наконец врач приказал ему открыть рот. Гиммлер исполнил и это. Все, казалось, было окончено. Но тут у врача возникло какое-то подозрение: он без церемонии засунул палец в рот возмущенному, яростно сопротивляющемуся на этот раз «страшному Генриху». Однако было поздно: зубы бывшего рейхсфюрера СС уже раздавили крошечную стеклянную ампулу. В ту же минуту он рухнул на пол. Немедленно прибегли к выкачиванию желудка. Пленного долго держали вниз головой над ведром. Но все оказалось напрасным: цианистый калий сделал свое дело...

Бельцу было совершенно безразлично: отравился Гиммлер, повесили его или даже четвертовали. Его занимало в этом деле совсем другое: если правду говорил Гиммлер, будто американцы обещали ему жизнь и безопасность в обмен на содействие капитуляции Германии, то с их стороны было свинством не предупредить слишком старательных офицеров о том, как следует обращаться с таким важным нацистом, если он попадет в плен. Мало ли что Гиммлер нарвался на англичан. Англичане – союзники американцев. И американцы, как старшие партнеры, отвечают за действия англичан. Раз так – жизнь Гиммлера должна была быть в безопасности. Впрочем, если бы Гиммлер не отравился, может быть, сыграли бы его головой так же, как пожертвовали головами одиннадцати нюрнбергских подсудимых. Тогда западные союзники русских еще не считали нужным раскрывать миру свои карты. Они строили из себя демократов, из кожи вон лезли, чтобы доказать свои «честные намерения», подыгрывали русским,

лебезили перед всеми антифашистами. Небось, теперь кусают себе локти, что сумели спасти только Шахта, Папена, да этого кретина Гесса... Ведя с ними дело, не имеешь никакой уверенности в том, что и тебя самого не продадут за несколько центов. Дрянные лавочники!.. Да что там «суверенность», «продадут»? Разве они уже не обманули его, заманив в Китай? Правда, сначала все шло хорошо, даже, пожалуй, блестяще. Быть может, так могло бы продолжаться, если бы не вчерашняя глупая выходка с решением лететь самому для выброски диверсанта, чтобы доказать свое усердие. Неужели эта ошибка непоправима?

Не может этого быть! Он, Бельц, нужен американцам, они постараются его спасти! Конечно, он не так нужен им, как Шахт или Папен, но все же они понимают: он мог бы принести много пользы. И именно здесь, где американцам хотелось зажечь ссору между Китаем и Монголией, чтобы втянуть Россию в водоворот дальневосточной войны, – именно здесь он мог быть полезен. И вот...

Порыв ветра донес плач шакала.

Бельц не пошевелился, не поднял головы. Он спал.

Напротив него сидел майор Харада. Японец был неподвижен и молчалив. Но он не спал. Он вовсе не чувствовал себя усталым, подобно этому европейцу. Он мог спокойно думать. Воспоминания ему не мешали. Единственное, что он считал нужным сейчас помнить, – приказания американского полковника Паркера. Ему подчинен майор Харада: Паркер – американский резидент. Сегодняшнее приказание было простым и ясным, и чтобы его выполнить, Хараде следовало добраться до заброшенного монастыря. Для этого Бельц не был ему больше нужен. Напротив, немец мог только помешать. Очень досадно, что самолет, на котором Бельц вез Хараду, потерпел аварию так, что немец остался жив. Это вынуждало Хараду решать теперь задачу: что с ним делать?

О том, чтобы возвращаться к границе, не могло быть и речи. Такое путешествие безнадежно: пройти несколько сот километров по безводной степи!

Тащить немца за собою в Араджаргалантахит, чтобы он помешал Хараде делать порученное ему дело?.. Нет! Значит, бросить немца тут, пока он спит, и одному идти к монастырю?.. Но и этого не следовало делать. Кто знает, что случится после восхода солнца? Как далеко отсюда проходит дорога, по которой в любую минуту может проехать автомобиль? Кто знает, не раскинулось ли поблизости стойбище монгольских скотоводов? Пастухи обнаружат обломки самолета и по ним доберутся до неуклюжего немца. А добравшись до немца, они, конечно, найдут и Хараду.

Имеет ли Харада право рисковать?

Нет!

Выводы из этого краткого ответа были ясны: нужно лишить немца возможности говорить, даже если его найдут пастухи или стража.

Харада прислушался к прерывистому сопению немца. Тот спал сидя, уткнув лицо в колени.

Харада вынул из-за пазухи маленький пистолет и отвел предохранитель. Но, подумав, положил пистолет обратно. Осторожно пошарил вокруг себя. Нащупав камень, показавшийся ему достаточно тяжелым и острым, Харада зажал его как можно удобней. После этого он стал приближаться к Бельцу.

Харада продвигался к нему, не поднимаясь с корточек и совершая едва уловимые, бесшумные движения. С каждым шагом согнутых ног расстояние между ним и Бельцем сокращалось на несколько сантиметров.

Приближаясь к немцу, Харада не спускал с него немигающих глаз.

Тем временем поезд, на котором Бельц во сне возвращался в Европу, вошел под шатер вокзала во Франкфурте-на-Майне. Несколько офицеров радостными взмахами рук приветствовали Бельца. Он отлично знал каждого из этих старых сослуживцев по гитлеровской воен-

ной авиации и не мог понять, в какую форму они теперь одеты: чужую и вместе с тем странно знакомую. Позвольте! Бельц оглядел себя и увидел, что на нем такой же не немецкий мундир, как и на других...

Майору Хараде оставалось сделать еще четыре или пять крошечных шажков, чтобы дотянуться до склоненной головы Бельца. После этого Харада сможет спокойно отправиться к цели, чтобы выполнить приказание полковника Паркера.

За его выполнение Хараде обещано возвращение в Японию. Если верить известиям с островов, дела там идут так, как и хотелось бы майору Хараде: все становится на прежние места – и Хирохито и дзайбацу¹. И даже те же самые генералы, что прежде подписывали приказы.

Хараде оставалось сделать два крошечных шажка, чтобы дотянуться до Бельца. Харада сделал последний шаг и крепче сжал камень.

...Давно уже наступил день, а Харада не решался двигаться. Лучше потерять день, чем рисковать быть обнаруженным. Майор Харада очень хорошо знал, что его ждет в случае встречи с монголами. Он вовсе не желал такой встречи, прежде чем удалится на большое расстояние от остатков самолета и от труп Бельца. Даже если встречными окажутся не цирики военной стражи, а простые пастухи.

Звери быстро уничтожат останки немца – одним следом станет меньше. Потом, через несколько дней, подальше отсюда, Харада сможет появиться. Но не теперь. Сейчас он должен лежать в своей ямке и издали наблюдать за окрестностями Араджаргалантахита. Если он убедится в том, что монастырь необитаем и не служит пристанищем пастухам, Харада проберется туда и исследует вопрос о пригодности монастыря как базы для главного задания. Если майор признает монастырь для этого подходящим, то приступит к осуществлению задания, которое американский полковник Паркер назвал «запасным». Харада должен будет под видом одинокого путника переночевать в двух-трех юртах. В этих юртах он оставит дары своего соотечественника, доблестного генерала императорской армии, великого врача и бактериолога господина Исии Сиро. Эти дары заключены в запаянные маленькие ампулы. Перед уходом из каждой юрты, где ему дадут ночлег, Харада должен раздавить по одной ампуле. Хараде неизвестно, что в них заключено, он только знает, что сам он должен немедленно и как можно дальше уйти от стойбища. Кроме того, у майора Харады имеются три ампулы побольше. Они не уместились в пояс и хранятся у него на груди. Содержимое этих сосудов он должен будет влить в водоемы, где пастухи поят скот.

Собственно говоря, называя эти смертоносные ампулы дарами Исии, Харада был не совсем прав, хотя содержимое ампул действительно было изготовлено по рецептам японского бактериолога. Ампулы, выданные Хараде Паркером, были им вынуты из железного ящика, доставленного на американском самолете из Кэмп Детрик, штата Массачусетс, США. Но для Харады все это не имело значения: задание оставалось заданием, где бы ни изготавливались средства для его выполнения.

Такова была маленькая, «запасная» задача майора Харады на тот случай, если он признает окрестности Араджаргалантахита непригодными в качестве базы для более широкой диверсии. Из этой второй части плана Хараде тоже сообщили ровно столько, сколько ему, по мнению американцев, следовало знать, чтобы действовать сознательно. Но даже по тому, что он знал, японцу было ясно, что операцию задумывал не Паркер и даже не американские советники из штаба Чан Кай-ши. Может быть, план этой диверсии зародился и разрабатывался в штабе самого Макарчера, в Токио, или даже еще дальше – в Штатах, где сидели начальники Паркера, начальники американских советников Чан Кай-ши и даже начальники самого большого начальника – Макарчера.

¹ Дзайбацу – японские монополии.

Итак, Харада был посвящен только в ту часть плана, осуществление которой зависело от его исполнительности. Он знал, что должен отыскать возле Араджаргалантахита место, подходящее для создания посадочной площадки. В точно обусловленный час точно обусловленной ночи он обозначит место своего нахождения световыми сигналами. Самолеты, ведомые самыми опытными американскими летчиками-ночками из соединения мистера Ченнолта, сбросят по сигналам Харады парашютистов. Одна часть парашютистов будет по ночам заниматься подготовкой аэродрома на месте, которое отыщет Харада. Другая часть парашютистов – это будут ламы – тотчас покинет место посадки.

Харада не был посвящен американцами в то, что ламы пустятся в далекое странствие по просторам Монгольской Народной Республики. Его не касалось, что они должны участвовать в восстании, приуроченном ко дню большого народного праздника надомы, который будет происходить в Улан-Баторе. Переодетые пастухами заговорщики должны установить свои юрты среди тысяч других пастушеских юрт, ежегодно появлявшихся к надому на площадях монгольской столицы. В разгар праздника заговорщики должны начать мятеж и уничтожить руководителей монгольского правительства и Народной партии.

План этот был далеко не оригинален и почти десять лет во многих деталях известен Хараде. Ведь уже в 1939 году он, в чине поручика, наряженный в зловонное тряпье ламы, был переброшен через монгольскую границу, чтобы принять участие в мятеже, имевшем целью совершенно то же самое: уничтожение народного правительства во главе с Чойбалсаном и возвращение в Улан-Батор Богдогэгэна, обещавшегося открыть границы Монголии для пропуска японских войск в советское Забайкалье, чтобы перерезать Сибирскую железнодорожную магистраль.

Тогда этот план был сорван благодаря бдительности работников службы безопасности МНР и мужеству советско-монгольских воинов на ее границе. Чойбалсан разгромил заговор в самом его зародыше, а советско-монгольские войска уничтожили японские войска на берегах Халхин-Гола.

Впрочем, и диверсия 1939 года была лишь неудачным повторением столь же неудачного ламского заговора 1933 года.

Теперь американско-чанкайшистские заговорщики пытались осуществить этот потрепанный план потому, что им нужно было во что бы то ни стало выйти в тыл северо-западной группе войск Народно-освободительной армии Китая, уже очистившей почти всю Маньчжурию от войск Чан Кай-ши, блокировавшей главные центры Маньчжурии Чаньчунь и Мукден, ворвавшейся в провинции Чахар, Гири, Жэхе и угрожавшей со дня на день захватить важнейшую базу материального снабжения и авиационный центр американско-чанкайшистских войск Цзиньчжоу.

Взятие Цзиньчжоу войсками Дунбейской народно-освободительной армии генерала Линь Бяо означало бы окружение почти миллионной северной группировки Чан Кай-ши и захват неисчислимых запасов боевой техники, полученной им от американцев. Цзиньчжоу был как бы крышкой котла, где перемалывались армии Чан Кай-ши. Для него раскупорка этого котла означала спасение миллиона солдат и огромного богатства; для народных армий окончательная закупорка цзиньчжоуского котла означала ликвидацию Маньчжурского фронта и вступление всей Дунбейской армии в Северный Китай.

Удача диверсии американской секретной службы против МНР дала бы возможность армейской группе чанкайшистского генерала Янь Ши-фана прорваться через МНР в тыл войскам Линь Бяо. Это могло быть спасением для армий Чан Кай-ши, запертых в мукденско-чаньчуньском мешке.

Провокация как повод для вторжения в МНР – таков был смысл появления близ Араджаргалантахита майора Харады, маленького исполнителя плана огромной диверсии.

Наконец в этом плане был еще один смысл, неизвестный даже его ответственным американским исполнителям. Его лелеяли в Вашингтоне и в токийском штабе Макарачера: появление гоминьдановских войск на территории МНР послужило бы сигналом к вовлечению СССР в события на востоке. Верность Советского Союза договору о дружбе и взаимопомощи с МНР не вызывала у американцев сомнения. А вовлечение СССР в дальневосточную войну было мечтой, даже не очень тайной, руководящих кругов США.

Вот каков был большой смысл такого маленького на вид события, как появление на монгольской земле незаметного японского разведчика майора Харады, облаченного в изодраный ватный халат монгольского ламы, точь-в-точь такой, какие были напялены и на остальных диверсантов, ждавших сигнала на юго-западной границе МНР.

Если бы, разделавшись с мешавшим ему Бельцем и спеша удалиться от места убийства, Харада мог знать, что происходит в нанкинской резиденции генералиссимуса Чан Кай-ши, вероятно, это сильно укрепило бы веру японца в успех его предприятия.

Глава 3

Хозяин дома, Чан Кай-ши, отсутствовал. Он был в Мукдене. Там он пачками расстреливал солдат и офицеров и рубил головы своим политическим противникам. Этим способом он пытался вернуть бодрость отчаявшемуся гарнизону Мукдена. По приказу американских советников Чан должен был во что бы то ни стало заставить свои войска разорвать кольцо блокады и спешить на выручку осажденному Цзиньчжоу. От того, будет или нет раскупорена «маньчжурская пробка», зависела судьба одной из крупнейших операций во всей истории гражданской войны в Китае.

Поэтому в тот вечер, когда Харада пробирался к монастырю Араджаргалантахит, в загородной резиденции Чан Кай-ши, близ Нанкина, гостей принимала одна Сун Мэй-лип. Этот маленький «совершенно интимный» вечер был ею устроен по случаю прибытия инкогнито из Японии самого большого американского друга ее мужа, генерала Дугласа Макарчера, и сопровождавшего его политического коммивояжера Буллита. Макарчер прилетел, чтобы на месте выяснить причины медлительности, с которой генерал Баркли осуществлял порученную ему важнейшую военную диверсию по выводу армейской группы генерала Янь Ши-фана в тыл Дунбейской народно-освободительной армии генерала Линь Бяо. Всякое появление старого приятеля и покровителя ее мужа было для хитрой мадам Чан Кай-ши предлогом разыграть комедию несказанной радости. Но, увы, почтенный гость не обращал на нее никакого внимания. Мысли Макарчера были заняты нерадивостью заносчивого тупицы Баркли. Если бы не крепкие связи Баркли с домом Рокфеллера, Макарчер давно выкинул бы его ко всем чертям: этот самонадеянный лентяй может в конце концов испортить всю игру в Китае.

Одним словом, американскому главнокомандующему было не до кокетства хозяйки. Он не без умысла шепнул ей, что один из двух прилетевших с ним штатских американцев, мистер Фостер Доллас, не просто адвокат, а своего рода «альтер эго» Джона Ванденгейма. Макарчер знал, что делает: при этом известии искусно подведенные глаза Сун Мэй-лин плотоядно сузились, и «первая леди Китая» накрепко присосалась к Долласу. Ее недаром называли «министром иностранных дел Чан Кай-ши». Имя Ванденгейма тотчас ассоциировалось у нее с деньгами, которые, быть может, удастся вытянуть из уродливого рыжего адвоката. Чтобы коснуться руки Фостера, она сама передавала ему чашку, сама протягивала тарелочку с печеньем. Можно было подумать, что прикосновение к покрытой рыжими волосами потной руке Фостера доставляет ей неизъяснимое удовольствие.

Быть может, чары китаянки и заставили бы Фостера совершить какую-нибудь глупость, если бы, на его счастье, на вечере не появились бывший премьер гоминьдановского правительства, брат хозяйки, Сун Цзы-вень, и ее сестра, жена министра финансов Кун Сян-си.

Между тем гости-американцы, руководимые чувствовавшим себя здесь полным заместителем хозяина (и не без оснований) Ченнолтом, отыскивали уединенный уголок, где можно было болтать, не боясь быть подслушанными.

Сегодня Макарчер выглядел сумрачнее обычного. Сдвинув к переносице густые брови, он слушал болтовню Буллита. А тот, как всегда в своей компании, говорил все, что приходило в голову: свежие политические новости, привезенные из Вашингтона, перемежались анекдотами и сплетнями.

Вдруг Буллит хлопнул себя по лбу:

– Друзья мои! Едва не забыл, знаете ли вы, что случилось сегодня в Тяньцзине, почти у меня на глазах?

– Знать обо всем, что умудряется «видеть собственными глазами» всякий лгун, – слишком большая нагрузка для моего мозга, – с откровенной издевкой проговорил Макарчер.

Буллит пропустил насмешку мимо ушей.

– И тем не менее, если вам дороги ваши трусы, Мак...

– Не советую вам, Уильям, проходиться даже на счет моих трусов, – мрачно перебил Макарчер.

– Счастье, что мы с вами янки, Дуглас. Оказывается, гораздо хуже быть англичанином. Послушайте, что случилось в Тяньцзине...

– Ну, выкладывайте, что вы там «видели собственными глазами», – снисходительно пробормотал Баркли.

– Буквально в двух шагах от селтльмента китайцы поймали какого-то джентльмена весьма почтенного вида, сняли с него штаны и, дав ему под зад, пустили обратно, в селтльмент.

– Белого человека?! – сквозь зубы спросил Макарчер, угрожающе приподнимаясь в кресле.

– Правда, они тут же сжалились над ним и отдали ему штаны. А когда наш консул поднял бум...

– Что вы сказали? – выходя из себя, прорычал Макарчер. – Наш консул? Так дело шло об американце?!

– Китайцы принесли извинения: толпа приняла того джентльмена за англичанина.

Все присутствующие, кроме Макарчера, рассмеялись. Генерал же сердито оглядел собеседников.

– Сегодня с американца спускают штаны по ошибке, а завтра спустят без всякой ошибки... В этих местах престиж белого человека должен стоять так высоко, чтобы никто не смел поднять на него руку.

– Всякого белого? – спросил Буллит и насмешливо сощурился. – И русского тоже?

Макарчер сделал гневное движение рукой.

– Кроме русского, всякий белый должен быть неприкосновенен, табу! – Он порывисто обернулся к Баркли: – У вас под носом творится черт знает что, а вы об этом даже не знаете. Вы идиотски ухмыляетесь болтовне Уильяма, вместо того чтобы повесить негодяев, позволивших себе посмеяться над янки. Эдак вы тут не продержитесь. Если бы у меня в Японии... – Он угрожающе сжал кулак, но, не договорив, опустил его и неожиданно спросил Баркли: – Какого черта вы тянете с монгольским делом?

– Я хотел знать, при чем там Паркер?

– Какой Паркер?

– Из ОСС.

– А какое вам дело до Паркера и ОСС?

– Он тоже оказался участником этой истории. Тут елозят их люди.

– Тем лучше, – неохотно ответил Макарчер. – Общими усилиями мы скорее добьемся успеха.

– Или спутаем карты.

– Передо мною отвечаете вы. До остальных мне нет дела.

– Хорошо, но если игру веду я, то пусть остальные убираются с поля.

– И тогда вы берете на себя ответственность? – Макарчер испытующе уставился на Баркли. Он не любил этого генерала, так как сам был самонадеян и не терпел ничьего вмешательства в свои дела. Если бы можно было ценою провала монгольской операции скомпрометировать Баркли, Макарчер сделал бы это, но Баркли со всеми потрохами не стоил такой ставки.

Таково было мнение Макарчера об его ближайшем помощнике по Китаю. Но не последним обстоятельством в их отношениях было то, что Баркли являлся фактическим хозяином «Хуанхэ дамм корпорейшн» и «Янцзы электрикал продактс». От него зависело, удастся ли Макарчеру приобрести в этих компаниях то положение, к которому он стремился. Поэтому обычно несдержанный и не стесняющийся в выражениях дальневосточный вице-король его

величества американского капитала старался на этот раз взять себя в руки и довольно спокойно заявил:

– Хорошо, можете дать под зад этому Паркеру и кому угодно еще, но с тем, что не позже чем через неделю...

– Праздник в Улан-Баторе состоится только через десять дней.

– Пусть будет десять дней. Но через десять дней самолеты Ченнолта должны начать переброску солдат Янь Ши-фана в Монголию.

– Сначала Ченнолт должен обеспечить чистый воздух на главном оперативном направлении, – возразил Баркли.

Макарчер с недоумевающим видом поднял плечи так, что погоны коснулись ушей.

– О чем вы говорите?

– У Линь Бяо есть авиация.

– Эй, Уильям, – крикнул Макарчер Буллит, – пощекочите Баркли! Он бормочет во сне.

– К сожалению, нет, – возразил Ченнолт, крепкий человек с грубым, обветренным лицом: – Чжу Дэ действительно послал Линь Бяо авиационный полк.

– Вы говорите о полке таким тоном, словно у этого вашего Линь Бяо появилась целая воздушная армия, – пренебрежительно заметил Макарчер.

– Вы же знаете, Мак, я вовсе не дурного мнения о моих «Тиграх», – возразил Ченнолт, – но, честное слово, появление этого полка – неважный свадебный подарок моей старушке.

Все рассмеялись, поняв, что Ченнолт имеет в виду свою недавнюю женитьбу на китаянке. Но сам командующий воздушными силами Гоминьдана оставался серьезен.

– Могу вас уверить, что это совсем не так забавно: истребители Лао Кэ уже доставили моим парням вполне достаточно хлопот. По-видимому, канули в безвозвратное прошлое те времена, когда мы могли быть уверены, что на базу вернется столько же наших самолетов, сколько вылетело на бомбежку неприятеля.

Удивление Макарчера все увеличивалось.

– Китайские летчики осмеливаются нападать на наших парней?

– И сбивать их, – пояснил Ченнолт. – Чем дальше, тем больше.

– Так разбомбите к черту их аэродромы! – крикнул Макарчер. – Уничтожьте их самолеты! Истребите их летчиков! Какого дьявола вы смотрите?!

Ченнолт рассмеялся.

– Как просто!... Нет, Мак, чтобы их разбомбить, до них нужно добраться. А они не пускают. Чтобы уничтожить, их надо найти, а они скрываются. Чтобы их истребить, нужно, чтобы они позволили это делать, а они... не позволяют – они сами норовят уничтожать наших.

Забыв о Баркли, которого он собирался пробрать, Макарчер набросился на Ченнолта и принялся бранить его и его летчиков.

– К черту такую работу, Ченнолт! – зарычал он. – Если вы решили посвятить себя исключительно бабам, то уступите вашу авиационную лавочку кому-нибудь, кто еще согласен и летать, а не только валяться по постелям китаянок. Ваши ребята окончательно распустились. Я ничего не имею и против того, чтобы они занимались контрабандой, но надо же немного и воевать. Если вы переложите все на плечи китайских летчиков, то нас в два счета выкинут отсюда. Этого я не допущу, Ченнолт! Слышите: не допущу, чтобы из-за жадности шайки ваших воздушных пиратов дядю Сэма выпихнули из Китая! – Тут он вспомнил, что дело не только в Ченнолте, и обернулся к Баркли: – Слышите, Баркли, я не допущу, чтобы ваши лентяи провалили прекрасный монгольский план. При первой возможности самолеты Ченнолта начнут высадку войск Янь Ши-фана в Монголии, и ваши люди в Урге должны покончить с правительством Чойбалсана. Путь в тыл Линь Бяо должен быть расчищен.

– Это тем более существенно, – с важным видом вставил Буллит, – что если силы красных не будут оттянуты от Мукдена и Цзиньчжоу, они захватят там столько самолетов, сколько им

будет нужно, чтобы сформировать не один полк, а десять. Цзиньчжоу, говорят, набит не только нашей техникой, там еще сколько угодно и японского имущества, не правда ли?

– Имущество – еще не все, что нужно для создания боевых частей, – проворчал Баркли.

– Могу вас уверить, что остальное-то у красных есть, – сказал Ченнолт.

– Я имею в виду желание драться.

– Очень сожалею, что у вас не бывает такой же уверенности, когда речь заходит о формировании частей для Чана, – сердито сказал Макарчер.

– Что делать, сэр, совсем другой человеческий материал.

Макарчер пренебрежительно скривил губы:

– Те же желтокожие.

– Да, но, понимаете... – Ченнолт щелкнул пальцами. – Внутри у них что-то другое. Понимаете: какая-то другая начинка.

– У тех лучше, чем у наших?

– Да... чертовски тугая пружина!

– Вы здесь достаточно давно, чтобы разобраться, в чем дело.

Ченнолт развел руками жестом, означающим беспомощность.

– Китайская душа – это китайская душа, сэр.

– Души вы оставьте мистеру Тьену.

– Я имею в виду идею, которая...

– Какая, к дьяволу, идея, когда им платят жалованье в долларах! – сердито воскликнул Макарчер.

Буллит громко рассмеялся.

– А вы уверены, Мак, что доллары до них доходят?

– Что вы хотите сказать?

– Ходит слух, будто Кун Сян-си перекупил у французов целый квартал самых шикарных публичных домов в Шанхае, на это, наверно, ушло жалованье армии за целый месяц.

Макарчер с досадой отмахнулся от слов Буллита и снова обратился к Баркли:

– Вы вполне уверены в надежности диверсионной организации в Монголии?

Баркли пустил кольцо дыма к потолку и выпятил губы с таким видом, что ответ был, собственно говоря, излишним. Но он все же сказал:

– У нас на каждых трех лам один японец, чуть что – пуля в затылок. Мы перебросим туда все лучшее, что у японской секретной службы было в Китае. Это верная игра, сэр. Я спокоен.

– Хорошо. – И после некоторого колебания Макарчер добавил: – Если Паркер и вообще ОСС стоят вам поперек горла, пошлите их к черту, действуйте своими силами.

– Благодарю. Я так и сделаю.

– А от вас я категорически требую, – Макарчер всем корпусом повернулся к Ченнолту, и поперек его лба легла глубокая складка, – авиационный полк этого...

– Вы говорите об авиации Линь Бяо?

– Ну да...

– Истребители Лао Кэ?

– Истребление этих истребителей! Если нужно, пустите в ход то, что мы до сегодняшнего дня держали в резерве: наши последние модели, наших лучших людей. Я сейчас же дам приказ перебросить сюда эскадрилью «Иксов».

– Я бы не делал этого, сэр, – осторожно заметил Ченнолт, – нечаянная посадка «Икса» у противника – и...

– А вы не допускайте такой посадки! Я даю вам эти машины не для того, чтобы вы дарили их красным.

– Война – все-таки война, сэр.

– Мне стыдно вас слушать, Ченнолт. Снимите с работы всех китайцев, пошлите к черту японских летчиков, введите в действие наших парней: у Линь Бяо не должно быть авиации. Понимаете, не должно быть! Если эта его авиация мешает нашим действиям по освобождению Цзиньчжоу...

– И Мукдена, – вставил было Буллит, но Макаρχер метнул на него такой взгляд, что дипломатический коммивояжер прикусил язык.

– Мне наплевать на Мукден! – сквозь зубы проговорил Макаρχер. – Там нет ничего, кроме живой силы. Даже если капитуляция Мукдена угрожала бы персоне самого старого дурака Чана – основное внимание на Цзиньчжоу! Мы не можем за свой счет вооружать и снабжать красных. И так уже весь мир с усмешкой повторяет слова Мао Цзе-дуна, что его основной арсенал – Соединенные Штаты, и главный интендант – Чан Кай-ши. Довольно!.. Я повторяю: если эта авиация красных служит помехой операциям в тылу Линь Бяо и освобождению Цзиньчжоу – все силы на ее уничтожение. Все, что у вас есть, Ченнолт, слышите?

– Да, сэр.

– Если нужно, я подброшу вам кое-что из Японии, потребую из Штатов, но вопрос стоит ясно: у красных не должно быть авиации. Это для нас вопрос жизни, вопрос свободы маневрирования, коммуникаций. Вы должны понимать, господа, что если над головами всей этой чанкайшистской сволочи появятся самолеты красных, то неустойчивость превратится в отступление, отступление – в бегство. Не хотите же вы потерять все, что Америка вложила в эту проклятую страну?

– Не говоря уже о дяде Сэме, – с усмешкой сказал Ченнолт, – но не хотелось бы потерять даже ту мелочь, что вложил сюда я сам.

Никто не улыбнулся его шутке: она слишком точно выражала то, что думал каждый из них.

– Послушайте, Ченнолт! – Макаρχер произнес это таким тоном, что даже не отличавшийся чувствительностью воздушный пират нервно вздрогнул. – Не воображайте, что вы и ваши паршивые «Тигры» – нечто неотделимое от Китая!.. В общем же я хочу вам сказать, джентльмены, что следует серьезно задуматься над происходящим: Цзиньчжоу – частность, но частность очень многозначительная и влекущая за собою последствия гораздо большие, чем нам хочется. Вы хорошо понимаете: я прилетел сюда не для того, чтобы поболтать с вами о нескольких тысячах тонн снаряжения, которое попадет в руки красных, если падет Цзиньчжоу. Речь идет о Китае, о Китае в целом, о нашем пребывании здесь!.. У меня создается впечатление, что никто здесь не отдает себе в этом ясного отчета, Ченнолт!

– Да, сэр?

– Завтра ваши ребята должны доставить сюда старого Чана.

– Вы же знаете, сэр: он в Мукдене.

– Хотя бы он был в преисподней! Они должны его доставить сюда. Его и всю его шайку. Соберите всех главарей. Понимаете?

– Да, сэр.

– Баркли!

– Да, сэр?

– Вы отвечаете за то, чтобы завтра не позже полудня мы имели возможность созвать совещание всей компании. Нет, нет, не семейный чай у «первой леди», а такое совещание, один созыв которого дал бы им всем понять: речь идет о том, что, может быть, послезавтра им выпустят кишки! Понятно?

– Да, сэр.

– Мы беремся за дело засучив рукава, или нас выкидывают отсюда по первому классу – такова дилемма. – Он обвел мрачным взглядом лица присутствующих. – И клянусь небом:

я сумею разделаться с теми, кто отвечает за операцию тут, а отвечаете вы, Баркли, и вы, Чен-нолт, и все бездельники – китайские и американские – одинаково...

Глава 4

День пришел так же, как приходили здесь, на северо-востоке Китая, все летние дни: стремительный поток багрового света неожиданно хлынул из-за горизонта и залил половину неба. Грозное, как ком раскаленной лавы, солнце торопливо всплыло над холмами.

Еще багровели непогасшие краски зари, а воздух был уже горяч. Небо дышало жаром, и марево начинало подниматься над землей. Стебли трав, казалось, извивались и дрожали в струях устремлявшегося вверх воздуха. Тишина висела над степью: ни радостной зоревой переклички птиц, ни треска кузнечиков, – словно все живое попряталось в страхе перед надвигающимся зноем.

С холма, где попутная машина высадила Джойса, было видно далеко. Джойс в последний раз окинул взглядом оставшиеся позади неприветливые просторы Чахара и посмотрел на юг, где простирались изрезанные отрогами Иншаня более плодородные долины Жэхэ. Почти десять лет провел он в Китае и все никак не мог свыкнуться с его пространствами. Военная и политическая обстановка в течение того десятилетия, что Джойс прожил в этой стране, позволила ему познакомиться только с ее северо-западной частью. Население там было значительно менее плотным, чем в Центральном и Южном Китае, и поэтому пространства казались Джойсу пустынными и необычайно большими.

За эти годы не только побелели виски Джойса, но серебряные нити пронизали и всю его курчавую шевелюру. Бывали минуты, когда он сам себе начинал казаться стариком. Правда, такие минуты бывали нечасты. Стоило его пальцам, по-прежнему гибким и проворным, прикоснуться к струнам любимого банджо, как забывалась седина и голос звучал по-прежнему уверенно и звонко.

Впрочем, чаще, чем со струнами, его пальцы встречались теперь с металлическими частями моторов и самолетов.

Девять лет Джойс провел в народных войсках, странствовал по западным и северным провинциям Китая вместе со школой командиров, выполнял все обязанности, какие возлагала на его плечи жизнь.

В первые годы этих странствований Джойс при каждом удобном случае справлялся, не знает ли кто-нибудь местонахождения госпиталя, в котором работает приехавшая из Америки китайская фельдшерица Кун Мэй.

– Такая красивая, с родинкой над переносицей, – неизменно прибавлял он, как если бы эта примета могла освежить чью-либо не в меру короткую память.

Наконец Джойс потерял надежду отыскать Мэй и перестал справляться. Для него было неожиданной радостью, когда он однажды обнаружил Мэй в одном из госпиталей Народно-освободительной армии.

Но долгожданная встреча не принесла Джойсу утешения: перед ним была не та Мэй, с которой он однажды ночью расстался в Улиссвилле. Вместо неуверенной и в себе и в своем будущем девушки он увидел врача, исполненного энергии и веры в свое дело и в свои силы, человека с окончательно сформировавшимися взглядами на жизнь и с ясной судьбой. Джойсу даже почудилось было, что Мэй забыла свое прошлое.

– Мне хочется, – мечтательно сказала она Джойсу при их первой встрече в Китае, – когда-нибудь вернуться в Штаты, чтобы рассказать американцам не только о том, как они виноваты перед китайским народом, но на примере китайцев доказать им, что значит вера в силы народа, в силы революции, в победу над эксплуататорами, когда народ бесповоротно решает сбросить их со своей шеи...

После этой первой встречи Мэй, по просьбе Джойса, получила перевод в санитарную часть школы. Но и Джойс и сама Мэй очень скоро поняли, что это было ненужным шагом.

Джойс не сразу решился взять ее руки в свои. А когда взял, то ее маленькие, загрубевшие от непрерывного мытья ладони безучастно лежали в его больших черных руках.

Скоро Мэй попросила перевода обратно в действующую армию. Ее сделали врачом формируемого авиационного полка – первой боевой воздушной части Народно-освободительной армии Китая...

Глядя на юг, где был расположен авиационный полк, Джойс думал о Мэй, и ему казалось, что дело вовсе не в том, что между ним и ею порвалась какая-то нить, а просто они отвыкли друг от друга и, может быть, он не нашел слов, которые должен был ей сказать. И вот сегодня, когда он снова увидит ее здесь, непременно найдет эти слова. Все станет на свои места.

На юге, где небо, сливаясь с землею, переходило в желтовато-зеленую мглу, нет-нет, и в косом луче солнца вспыхивала полоска Ляоханя. В ее долине прятались аэродромы полка. Острый глаз негра различал на желтом склоне горы темные норки пещер, служивших летчикам жилыми и служебными помещениями.

Джойс сидел ссутулившись, втянув голову в плечи. Над его головой целым облаком висели комары. Их гудение было единственным звуком, который негр слышал сейчас в этой мертвой долине. Напрасно он то и дело с досадою взмахивал рукою, – комары не улетали. От их укусов зудели лицо, шея, руки. Не спасал от них и заправленный под фуражку платок. Насекомые жадно облепили каждый клочок незащищенного тела, жалили сквозь платок, забирались за воротник рубашки, в рукава. Их уколы заставляли механика то и дело ударять себя по лицу, размазывая кровь.

С запада, куда убегала желтая лента дороги, давно уже пора было появиться попутному грузовику, на котором Чэн должен был догнать Джойса. Машина, довезшая самого механика, не могла намного опередить этот грузовик.

Между тем прошел уже целый час, как негра высадили тут на съедение комарам, а летчика все не было.

Если бы Джойс не уговорился с Чэном ждать его тут, солнце и комары давно прогнали бы его с холма, и он отправился бы к виднеющимся вдали пещерам.

Наконец на западе взметнулось желтое облачко, неожиданное и кудрявое, как дым от взрыва. Оно росло, растекалось вдоль горизонта, потом изогнулось змеей и повернуло к холму, на котором сидел Джойс. Негр сошел к дороге и поднял руку.

Машина, скрипя тормозами, остановилась. Джойс с трудом различил ее очертания в облаке пыли: серо-желтой была вся машина – от радиатора до колес. Только болтавшаяся возле кабины шофера камера с запасной водой алела мокрой резиной. Через минуту грузовик тронулся и снова исчез в вихре тонкой лессовой пыли. Джойс увидел стоящего посреди дороги Чэна.

Летчик не спеша вынул платок, отер лицо и посмотрел на грязный след, оставшийся на полотне.

– Помыться бы... – со вздохом проговорил он.

– Ванны пока еще у янки.

После короткого молчания Чэн сказал:

– А знаете, кого я сегодня тут увидел? Смотрю, кто-то пылит на японской керосинке, пригляделся... Как думаете, кто?

– Я тугодум.

– Фу Би-чен!

– Фу? – Джойс в недоумении пожал плечами. – Наш бывший командир, ваш незадачливый ученик?

– Да, наш «пехотный летчик» собственной персоной.

– Наверно, работает здесь по административной или по хозяйственной части. Небось, характеристика, что вы ему дали в школе, навсегда отбила у него охоту летать.

– Вы говорите так, словно я получил от этого удовольствие. Должен сказать, что каждый неудачный ученик для нашего брата, инструктора, – большое огорчение!.. Списывая его из школы, я выполнял свой долг.

– Значит, все-таки на протекцию по хозяйственной линии тут рассчитывать не приходится, – шутливо проговорил Джойс.

Пока они прошли расстояние, оставшееся до пещеры штаба, Чэн успел перебрать в памяти все, что было связано с учетом Фу Би-ченом. Пожалуй, из всех «трудных» курсантов, которые прошли переподготовку за время его инструкторской работы, этот был самым «трудным». И не потому, что, как некоторые другие учлеты, Фу был лишен данных, необходимых летчику вообще и истребителю в частности; напротив, он быстро вспомнил теоретические предметы, в воздухе машина была ему послушна, отработка сложных фигур высшего пилотажа всегда оценивалась у Фу отметкой «отлично». Но этот ученик, еще прежде, чем он получил хороший авиационный боевой опыт, дающий право высказывать свои суждения, заговорил о собственной «теории» воздушного боя!

Он утверждал, будто первым условием победы в современном воздушном бою истребителей является не искусство индивидуального боя, а овладение групповым полетом и даже групповым пилотажем.

Это открытие удивило Чэна потому, что он видел Фу Би-чена в роли пехотного командира и знал его спокойное бесстрашие и рассудительность в бою. Но мог ли Чэн молчать и не сказать командованию того, что сказал тогда о Фу: «Бойтся!» И Чэн нисколько не раскаивается. Его совесть перед народной авиацией, его совесть перед партией, преданность которой управляет каждым его поступком, чиста... Правда, Фу только твердил, что по мере усиления народной боевой авиации встречи истребительной авиации утратят вид одиночных боев и сделаются настоящими воздушными сражениями. Но эти настроения «теоретика» показались тогда Чэну вредными. Если бы такая «теория» заразила других учеников, они, вместо того чтобы учиться по утвержденной программе, тоже начали бы рассуждать о предстоящей истребителям войне «в массах»...

Внезапно Чэн прервал свои размышления восклицанием:

– Вы знаете, Джойс, ваша приятельница Кун Мэй здесь.

– Товарищ Кун Мэй... – Джойс с напускным равнодушием пожал плечами: – Знаю...

Приблизившись к пещерам, они разошлись: Чэн пошел представиться начальнику штаба.

Начальник штаба Ли Юн оказался крепким, подтянутым человеком с широким костистым лицом. Гладко выбритый шишковатый череп сверкал от мази, предохранявшей от укусов комаров. Лицо Ли Юна поражало собеседника неизменным спокойствием. Даже тогда, когда он говорил, суровые складки вокруг его рта, казалось, оставались неподвижными. Лишь изредка нервный тик пробегал по левой щеке. Быстрая, как молния, складочка залегала вдруг между ухом и глазом и тут же исчезала. Казалось, что начштаба слегка подмигнул левым глазом и тотчас старательно согнал с лица это слабое подобие улыбки. Черты снова обретали обычную неподвижность. Но через несколько минут Чэн понял, что подмигнуть левым глазом Ли Юн никак не может: этот глаз был у него поврежден и оставался совершенно неподвижным.

Говорил Ли Юн спокойно, ровным голосом. Фразы его были круглые, законченные и, как показалось Чэну, не в меру причесанные. Словно Ли Юн, тщательно продумывая их, подбирал слова. Это делало его речь медлительной.

Ли Юн показался Чэну сухарем и педантом.

Тем временем Джойс откинул циновку у входа в пещеру, служившую помещением для санитарной части полка. Мэй сидела, склонившись над столиком, и писала. Солнечный свет, падавший сквозь деревянную решетку передней стены, освещал ее волосы, наполовину прикрытые белой косынкой. Вся обстановка, запах лекарств, да и самый вид Мэй в плотно застегнутом халате показался Джойсу необыкновенно строгим.

Мэй обернулась на шум шагов, увидела Джойса, спокойно поднялась с табурета и так же спокойно протянула ему руку.

– Надолго к нам?

Желая попасть ей в тон, Джойс с такою же сдержанностью ответил:

– Совсем.

– Совсем... сюда? – переспросила Мэй.

– Как же иначе? – сказал Джойс. – Не быть здесь, когда подошли решительные дни?..

К тому же американской техники тут становится все больше.

– Я рада... я очень рада! – и сжала его руку. Потом тихо, как бы в нерешительности, прибавила: – Но должна тебе сразу сказать: здесь очень трудно... У тех много машин, у наших мало, да и людей не хватает.

– Справимся!.. А скажи, разве не хорошо это вышло, что я попал именно сюда, где ты?

– Да, это хорошо... – как ему показалось, рассеянно проговорила она. – А что... в школе?

– Меня больше интересует, что делается здесь.

– Народная армия делает свое дело!.. Знаешь, только столкнувшись с американской помощью Чан Кай-ши, я поняла, что ваши фашисты хотят новой войны и готовят к этому рядовых американцев. Они используют для этого страшную школу, какой является для них война в Китае. Они превратили нашу страну в огромный полигон, на котором испытывают свою технику, даже тренируют свои американские войска. Они строят базы, аэродромы, подводят к ним дороги. Эти преступники знают, чего хотят!..

– Кстати, о войне, – сказал Джойс. – Какой-то китайский врач в дороге говорил мне, что, по его мнению, местные условия очень трудны для нашего брата. Что за нежности! Можно ли серьезно говорить о том, что здоровый мужчина не способен привыкнуть к любым условиям?

– Именно летчику-то тут и трудно, – сказала Мэй. – Особенно трудно. Страшная жара днем и ночью, без малейшей передышки, тучи комаров...

– Вот-вот, только этого еще не доставало: чтобы летчики боялись комаров!

– А что ты думаешь! Посмотри на свое лицо: оно, наверно, зудит. А руки...

– Но я не собираюсь бежать отсюда!

– А вот когда летчик не может сомкнуть глаз из-за того, что жилище наполнено проклятыми насекомыми, когда он не может без содрогания надеть кислородную маску, когда натянуть перчатки для него страдание, когда комары доведут его нервную систему до того, что он станет раздражаться из-за каждого пустяка?..

– Война есть война, – жестко ответил Джойс. – Что необходимо летчику для того, чтобы существовать и драться в любых условиях, в любой обстановке? По-моему, одно: знать, что это нужно. Народ, партия приказали: «Иди, дерись там!» Иди и дерись. Смелодушничал – дезертир, изменник... Точка зрения простая и ясная.

С очевидным желанием переменить разговор Мэй начала рассказывать:

– Тут один парень...

– Американец?

– Нет, индус... Он очень страдал из-за того, что его эвакуировали.

– Летчик?

– Да.

– Его отослали?

– Командир отослал. Считал его «воздушным гимнастом». У нас тут на этот счет своя точка зрения.

– Ты что-нибудь путаешь, – проговорил Джойс. – В истребительной части не могут бранить летчика за то, что он хорошо владеет машиной. Небось, парень выкинул что-нибудь неподходящее.

– Может быть. Однако здесь царит своя теория.

– Какая же?

– Командир считает, что от истребителя, в особенности от впервые попадающего на войну, требуется не только умение один на один драться с противником, а главное – умение прикрыть товарища...

– Кто же станет отрицать необходимость прикрывать товарища? Но как можно говорить, что для истребителя не является первейшим правилом боя бросаться на противника и бить его везде и всюду, во всяких условиях и в любом положении?.. – Джойс пожал плечами. – Нет, ты что-то путаешь, дорогая!

– А на той стороне много американцев, – вдруг сказала она. – Настоящие воздушные гангстеры... Сам увидишь в первом же бою.

Джойс смутился: ему не очень хотелось говорить Мэй, что хотя он и переучился на истребителя, но сюда приехал опять простым механиком.

– Теперь приходит так много американских трофеев, что я тут гораздо нужнее как механик.

– Да, но...

– Разве мне самому приятно торчать на земле, когда я мог бы летать? Но раз нужно – значит, нужно. Коммунисту было бы не к лицу спорить с китайским командованием. Именно потому, что оно китайское. И именно потому, что янки так отвратительно ведут себя в Китае, на той стороне. Нужно же показать китайцам, что в Штатах не одни гангстеры, – сказал Джойс, кладя руки на плечи Мэй. Но тут же поспешно сбросил их: у входа в лазарет послышались тяжелые шаги. В пещеру, прихрамывая, вошел летчик. Это был высокий, крепкий парень с широким лицом, почти черным от загара.

Джойс вышел и присел на земляной валик, окружающий вход в пещеру. До него доносились каждое слово, произносимое в пещере. Летчик уверял, что нога у него уже «в полном порядке», и что он чувствует себя великолепно.

По-видимому, Мэй тем временем осматривала ногу. Слышались ее отрывистые замечания: «Прошу вас, еще пошевелите ступней... пожалуйста, в эту сторону...» Потом воцарилось продолжительное молчание.

Наконец летчик нерешительно спросил:

– Позвольте узнать: все в порядке?.. Правда?

Мэй решительно отрезала:

– Летать нельзя.

– А мне, товарищ Кун, кажется, что летать можно! – сердито буркнул летчик.

– Вы понимаете больше меня?

– Извините, но нога моя, а не ваша, – вежливо возразил летчик.

– Но отвечаю за нее, извините, я, – решительно ответила Мэй. – И я говорю, товарищ Вэнь И: вы не полетите.

– А я, извините, полечу! – теряя терпение, сказал летчик.

– Вы меня удивляете, товарищ Вэнь И, – проговорила Мэй. – В носке летать нельзя, а обувь надеть вы не можете.

– Значит, в этом все дело?! – радостно воскликнул Вэнь И. – Так я через полчаса приду к вам обутый.

– И я тут же отправлю вас в тыл.

И тут Джойс услышал просительный голос Вэнь И:

– Имейте сердце, товарищ Кун.

– Летать с больной ногой нельзя.

– Уверяю вас: никто не заметит. У меня и с одной ногой Чану жарко станет!

Мэй рассмеялась:

– Прежде всего жарко станет нам с вами, когда командир Лао Кэ увидит, что вы с больной ногой лезете в самолет.

– Позвольте уверить вас: он не увидит.

По-видимому, спор надоел Мэй.

– Придется вам еще отдохнуть, – строго заключила она.

Через минуту Вэнь И, хромая и морщаась от боли, проковылял мимо Джойса. Мэй показала у входа с полотенцем в руках и кивком головы указала вслед удаляющемуся летчику:

– Просто болезнь какая-то: бояться хоть один вылет пропустить.

– Истребитель действительно не девица, – с улыбкою сказал Джойс.

– А человек с пулевым ранением в пятку, по-моему, и не истребитель.

– Это, конечно, тоже верно, но если человек чувствует, что может вести машину...

– Это уж предоставь мне знать: может он вести машину или не может.

– В общем, видно, отличный народ, а вы его портите.

Мэй удивленно посмотрела на Джойса.

– Что ты сказал?

– Нежности! Парень хочет летать, значит летать может...

– Я делала и делаю то, что мне велит долг.

– Ты не фельдшерица где-нибудь в миссурийской воскресной школе для фермерских невест.

– Да, я военный врач. Я в боевой части Народно-освободительной армии, где каждый летчик на учете. Я это знаю не хуже, чем ты. Именно поэтому я обязана следить, чтобы каждый летчик был годен для работы, для боя.

Мэй в раздражении отвернулась и пошла в пещеру. Джойс нагнал ее и взял за руку.

– Не сердись, все обойдется... Я действительно не вправе вмешиваться, но летчик, с которым я приехал, на деле покажет, что вы тут не правы...

– Ах, не все ли мне равно, с кем ты приехал!

– Это Чэн.

Джойсу показалось, что при этом имени Мэй переменилась в лице.

– Чэн?! – переспросила она.

– Ну да, Чэн.

Словно удивленная и даже немного испуганная этой вестью, она снова растерянно, почти про себя повторила:

– Чэн!..

– Конечно, тот самый Чэн, – заставив себя улыбнуться, сказал Джойс. Он сделал вид, будто не понимает причины растерянности Мэй, хотя эта растерянность говорила ему больше, чем если бы Мэй сказала ему все о нем и о Чэне.

А Мэй порывисто высвободила свою руку из пальцев Джойса и, делая вид, будто очень занята, стала перебирать инструменты.

Когда Джойс ушел, Мэй вздохнула с облегчением. Она хорошо понимала, что отношения, возникшие между ними в Штатах, не налагали на нее никаких обязательств, и тем не менее что-то похожее на стыд овладевало ею всякий раз, когда приходилось над этим задумываться... А в сущности, кем была она тогда в Америке? Одиноким китайской девушкой на далекой, враждебной чужбине, где на нее смотрели как на чужую не только и не столько потому, что она была иностранкой, сколько потому, что цвет ее кожи был не совсем белый; потому, что она была дочерью народа, который янки привыкли эксплуатировать, как скот, народа, который они не считали и не хотели считать равным себе.

Любила ли Мэй Джойса? Не уцепилась ли она тогда за протянутую ей большую ласковую руку потому, что та была так сильна и так ласкова, не больше?.. И виновата ли Мэй в том, что думала о Джойсе лишь до тех пор, пока не встретила в Китае Чэна?.. Вероятно, она не

виновата ни в этом, ни в чем-либо другом перед Джойсом, и тем не менее... Да, тем не менее при всяком свидании с Джойсом досада овладевала ею потому, что возвращалось это беспричинное чувство стыда... Уж не происходило ли это из-за того, что она всем своим существом чувствовала, что негр ее любит, по-прежнему любит? Быть может, даже больше, чем любил прежде, за океаном. Вероятно, ведь здесь у него нет никого, решительно никого, кроме нее...

Мэй с досадою отбросила пинцет, который машинально вертела в руках. Ударившись о край ванночки, инструмент громко звякнул. Мэй вздрогнула и провела рукой по глазам – этот резкий звук привел ее в себя...

Сидя в прохладной пещере штаба, Чэн ждал командира полка. Чтобы не терять времени, он попросил у начальника штаба последние сводки и стал знакомиться с боевой обстановкой, о которой со времени отъезда из школы имел лишь общее представление.

Пристроившись на ящике у входа в пещеру, он углубился в чтение. Время от времени он прерывал сам себя сдержанным возгласом радости: события развивались самым успешным образом. Соединение Дунбейской народно-освободительной армии генерала Линь Бяо, которому и был придан 1-й авиационный полк НОА, успешно продвигалось к югу, пробиваясь к берегам Ляодунского залива, чтобы закрыть миллионной армии гоминьдановцев выход из мукден-чаньчуньского мешка. Шли ожесточенные бои за Цзиньчжоу. Если бы НОА располагала бомбардировочной авиацией, то Цзиньчжоу, как исходному пункту авиационных ударов противника, наверно, давно уже пришел бы конец. Теперь же 1-му полку было приказано парализовать действия американо-гоминьдановских самолетов, продолжавших еще базироваться на Цзиньчжоу и отбивать налеты вражеской авиации, пытавшейся прийти на помощь Цзиньчжоу с юга. Из разведсводок и из анализа боевых донесений командиров эскадрилий 1-го полка было ясно, что противник вводил в бой свежие авиационные силы. По-видимому, это были истребительные формирования, созданные на базе американской и японской техники. По данным разведки, их назначением было подавление активности 1-го полка и уничтожение его личного состава и техники на земле и в воздухе.

Для Чэна, за время долгой школьной работы привыкшего воспринимать такого рода сообщения как нечто очень интересное, но более или менее отвлеченное, теоретическое, все звучало теперь по-новому – жизненно ярко. От чтения его оторвал возглас начальника штаба Ли Юна:

– Командир!

Чэн поднял голову и услышал за дверью пещеры четкие шаги.

Ли Юн уже вышел. Следом за ним и Чэн пошел навстречу командиру полка.

Лао Кэ прервал представление Чэна радостным возгласом:

– Рад, очень рад! Нам давно нужен такой человек, как вы. Мы свалим на вас всю молодежь. Чудесный народ, изумительный, но порой бывает сыроват. А с вашим инструкторским опытом вы сделаете из них таких бойцов!..

Чэн с трудом заставлял себя следить за словами командира. Он едва скрывал охватившее его удивление: рядом с Лао Кэ стоял... Фу Би-чен. По его виду никак нельзя было сказать, что он хозяйственник или штабист. Значок летчика виднелся и на его выгоревшем комбинезоне, перепосанном ремнем с пистолетом. Его кобура имела тот характерный вид потертости, какой приобретают кобуры летчиков после долгого пребывания за их спинами в полетах. Рукава комбинезона Фу были немного закатаны и обнажали худые запястья, из-под шлема с завернутыми наверх ушами и немного сдвинутого на затылок торчала прядь прямых непослушных волос. Да, это был Фу Би-чен. Его почерневшее от солнца и ветра лицо выглядело строгим. Он без улыбки смотрел на Чэна.

– ...Вот и прекрасно... – словно издалека доносился до Чэна голос Лао Кэ. – Немного отдохнете и возьметесь за работу.

Но вот командир умолк. Нужно было отвечать. Чэн с трудом собрал мысли, стремительно уносившиеся в прошлое, к школе, к незадачливому учлету Фу. Чэн ответил, стараясь попасть в добродушный тон командира:

– Я не устал. Могу сразу за работу. Только позвольте доложить: мне учебная работа очень надоела в школе. Я предпочел бы в бой.

– Боев здесь хоть отбавляй.

– Вот и хотелось бы...

Лао Кэ весело перебил:

– Придет время, придет! А пока за учебу. Других будете учить и сами поучитесь. – Лао Кэ обернулся к начальнику штаба: – Что ж, может быть, прямо и дадим ему вторую эскадрилью?

– Вы хотите сделать для летчика Чэна исключение? – спросил Ли Юн.

– Исключение?..

– Вы же сами приказали: каждый новый человек, прибывающий на летную работу, независимо от звания и назначения, проходит ознакомление с обстановкой и с боевой работой в качестве рядового летчика.

– Ли Юн всегда прав! – сказал Лао Кэ. – На то он и начальник штаба, чтобы все помнить. Такой приказ действительно существует, и выходит, что дать вам сразу эскадрилью против моих правил. Значит, прежде чем вы начнете учить других, придется вам самому кое-что усвоить: обстановка тут не простая, сразу не разберетесь. – При этих словах Лао Кэ бросил взгляд в сторону молча стоявшего в течение всего разговора Фу Би-чена. – Придется вам, товарищ Фу, новичка вывозить.

По-видимому, заметив, как при этих словах краска прилила к щекам Чэна, Лао Кэ поспешил ответить:

– Обижайтесь не обижайтесь, а должен же я подчиняться собственным приказам: в нашей стае даже старый волк считается новичком, пока не привыкнет к местным условиям. Но товарищ Фу быстро введет вас в курс дела – он у нас первый мастер на этот счет. Вывезет в бой раз, другой – и сразу вывод: годен или нет. И притом предупреждаю: экзаменатор строжайший.

Лао Кэ на мгновение свел брови и окинул Чэна коротким испытующим взглядом, потом обратился к Фу Би-чену, дружески положив ему руку на плечо:

– Что это вы сегодня такой молчаливый?

– Товарищ Чэн – мой школьный инструктор, – так же спокойно ответил Фу Би-чен. – У него я начал переобучение...

Лао Кэ, не задумываясь, весело сказал:

– Был учителем, побудет учеником... То была школа, а то война.

Глава 5

Горячий воздух поднимался от земли. Его струи взлетали дрожащими столбами. Развалины монастыря казались сквозь них сделанными из тонкой бумаги, колеблемой дуновением ветерка. Стены кумирни изгибались и меняли очертания. Многоярусная крыша то делалась совсем низкой, почти распластывалась по земле, то вдруг острым шпилем тянулась к небу.

Дальше у горизонта, очень далеко за монастырем, виднелись холмы. Они, как и постройка, непрерывно меняли контуры: то делались низкими, с пологими склонами, то вдруг вытягивались ввысь и становились похожими на пагоды.

Пейзаж вокруг Харады был однообразен и суров. Трава местами уже стала бурой. На склонах холмов она под ударами ветра свалилась, как ключья немытой шерсти.

Когда Харада глядел на степь, ему казалось, будто у горизонта расстилается безбрежное море. Оно волновалось и курилось испарениями. Если Харада долго глядел на это море, то уровень воды начинал повышаться, она заливала пустыню. Нужно было закрыть глаза, чтобы вода исчезла. Но Харада старался их не закрывать. Стоило опустить веки, как в голову лезли совсем ненужные мысли. Однако лежать все время с открытыми глазами и смотреть то на раскаленное небо, то на степь было тоже невозможно.

Достаточно того, что майор, привыкший к бумажной форменной одежде или к еще более легкому кимоно, лежал теперь в засаленном ватном халате. Все его тело покрылось потом. Этого никогда не бывало с майором ни в форме, ни в домашнем кимоно. Ощущение было отвратительное.

Солнце только еще перевалило через зенит, когда Хараде начало казаться, что вместе с потом из него испаряется самая кровь. Тело становилось сухим и негибким, слюна – горячей и вязкой. Японец даже пощупал собственные губы, – они казались непомерно толстыми и тугими. Он попробовал облизать губы, но язык цеплялся за них, словно они были облеплены репьями. Чтобы избавиться от этих неприятных ощущений, нужно было подняться и дойти до монастыря – там должна была быть вода.

Но для этого пришлось бы уже сейчас рискнуть встречей с людьми. А открытая игра была преждевременной. Она поставила бы под угрозу выполнение задания мистера Паркера, а следовательно, и возможность возвращения Харады в Японию.

Значит, нужно было лежать и ждать. И Харада лежал. И ждал. Он еще не признал себя побежденным монгольским солнцем. Он считал, что может с ним бороться.

Чтобы отвлечь свои мысли от Японии, от солнца, от кишок, скручивающихся в животе, как в кипящей кастрюле, Харада стал наблюдать за вылезшим из норы в сотне метров от него тарбаганом. Большой, жирный, огненно-рыжий тарбаган грелся на солнце, не обращая внимания на человека.

Харада долго смотрел на него. Вот зверек сел на задние лапы, поднял передние к солнцу и подставил его лучам мордочку. Харада взял камень, прицелился и бросил. Тарбаган настоужился, посмотрел туда, где упал камень, и снова поднял лапы, так и не обратив внимания на человека.

Японец отвернулся.

Солнце прошло половину пути от зенита к горизонту. В степи быстро сгущались сумерки. Харада поднялся и при последнем слабом отблеске заката стал рассматривать силуэт монастыря. Когда совсем стемнело, японец пошел.

Хвост Большой Медведицы уже скрылся за горизонтом, когда Харада вошел под свод полуразрушенных монастырских ворот.

Было тихо. Слышался только шорох ветра под стропилами длинного строения, где раньше помещались монахи. Харада прижался к стене. Он терпеливо ждал, пока луна, освеще-

щавшая двор, не продвинется настолько, чтобы Харада мог идти, скрываясь в тени, отбрасываемой стеной. Яркий свет, проникающий сквозь узорные отверстия, выведенные кладкой стены, голубой рябью ложился на землю. Осторожно переступая через эти светлые пятна, как будто они были стеклянные, Харада двинулся вокруг двора. Ему нужен был колодец. Вскоре он отыскал его в глинобитной будке и нагнулся над выложенным камнем отверстием. Однако он напрасно напрягал зрение: зеркала воды не было видно, внизу царила непроглядная темень. Тогда Харада нащупал на земле камешек и бросил его в колодец. Последовала столь долгая тишина, что Харада решил: колодец сух. Но именно в этот миг откуда-то из бесконечного далека, словно от самого центра земли, донесся слабый плеск. Харада торжествующе выпрямился.

Через несколько минут он уже крался под сводами монастыря. Заметались над головою летучие мыши. Под ногами прошуршали испуганные крысы. Хрустнула раздавленная черепица. Постояв некоторое время в нерешительности, Харада раздвинул ногою мусор на полу, расстелил ватный халат и лег, подтянув колени к самому подбородку.

Когда он проснулся, был уже день. В ярком свете, свободно проникавшем через дыры выломанных окон, Харада увидел напротив себя человека. Тот сидел на корточках, в руке его был зажат пистолет, и немигающие глаза были устремлены на японца.

Харада сразу узнал этого человека: его собственный тяньцзинский рикша. Да, да, тот самый рябой рикша, которого он перед отлетом передал в пользование полковнику Паркеру. Это было похоже на чудо.

Японец стал медленно, едва заметно опускать руку к поясу, в складках которого был спрятан пистолет.

Глава 6

Неожиданная встреча с Фу, оказавшимся заместителем командира полка, вывела Чэна из душевного равновесия, которым он всегда гордился. Теперь он находился в состоянии некоторого смятения и напрасно искал выхода из создавшегося положения. Оно представлялось ему нелепым и обидным и, наконец... да, наконец, он сомневался! Сомневался в том, что некогда принял правильное решение в отношении учета Фу Би-чэна. К тому же, если он мог ошибиться в доверенном ему человеке один раз, то где уверенность, что в его прошлом нет еще десятка или сотни таких же ошибок, о которых он не знает? Где уверенность, что он их не совершает каждый день, не совершит сегодня и завтра?..

Одним словом, внутренний мир летчика Чэна был нарушен. Когда его вызвали в штаб, он пошел туда круглым путем, чтобы иметь время собраться с мыслями.

В штабе он застал Лао Кэ, Фу Би-чэна и Ли Юна. Разбирали новое боевое задание, которое полк должен был выполнить попутно со своей главной задачей. Это новое задание было несколько необычным: по сведениям командования, у противника появился новый тип истребителя, в котором подозревали опытный американский образец, не принятый еще на вооружение даже в ВВС США. Если так, то это значило бы, что военные круги США не только рассматривают Китай как объект своих империалистических притязаний, осуществление которых поручено шайке Чан Кай-ши, но и как опытное военное поле, как полигон для испытания новых видов оружия.

Противник вводил этот истребитель в работу осторожно. По-видимому, он не хотел привлекать к нему внимание командования авиации Народной армии. В то же время противник явно стремился выявить качества новой машины в бою. Разведка правильно называла эти машины «Икс».

«Иксы» ни разу не появлялись в воздухе значительным подразделением – только звеньями и даже одиночками. Они незаметно пристраивались к истребителям прежних типов, уже хорошо известных летчикам Народной армии.

Судя по первым впечатлениям летчиков и по данным разведки, «Икс» представлял собою аппарат гораздо более скоростной, нежели все прежние, состоявшие на вооружении чанкай-шистских частей.

Задачу, полученную от командования, излагал Ли Юн как начальник штаба:

– Командование заинтересовано в том, чтобы подробно ознакомиться с этим новым вражеским истребителем. Нужны не обгорелые и изуродованные остатки, какие представляют собою обычно сбитые неприятельские машины, а вполне целый или, по крайней мере, мало поврежденный экземпляр. Наши летчики должны посадить «Икс» в своем расположении. Поэтому задание сводится к следующему: вести тщательное наблюдение за появлением в воздухе истребителя нового типа. Когда он будет замечен, навалиться на него, оттереть от строя и жать к земле, не позволяя ему вывернуться; жать, пока он не будет вынужден сесть!

– А если людям, летающим на опытных самолетах, дано задание: ни в коем случае не садиться на нашей территории? – негромко спросил Лао Кэ.

– Даже наверно дано, – проговорил начальник штаба.

– Один не сядет, другой не сядет, а третий и сел! – спокойно возразил Фу. – Приходится рассчитывать на то, что не всякому янки хочется умирать ради прекрасных глаз своих боссов. Но есть слух, что Макарчер прислал в Китай много японских летчиков. Смертники-камикадзе и ради прекрасных глаз дзайбацу или своего микадо почтут за честь вернуться на острова в урне для праха.

– Правильно, товарищ Фу, – кивнув головой, подтвердил Лао Кэ. – У этих нет ни капли ума. Но не все японцы – камикадзе. Есть среди них и обыкновенные люди, предпочитающие

вернуться к своим семьям живыми и здоровыми, а не горстью пепла. К тому же я уверен, что на опытных «Иксах» летают не японцы, а чистокровные американцы. Макарчер не доверяет японцам, даже если они такие отъявленные негодяи, как воспитанники Хирохито. Да, в «Иксах» сидят янки.

– Если мы будем ждать, пока отыщется такой янки, мы рискуем выполнить наше задание невесть когда, – сказал Фу. – Я имел только в виду, что одним из наших шансов в выполнении задания командования является и этот. Но расчет мы должны вести на другое: заставить сесть на нашу землю всякого, – при этом слове Фу обвел собеседников строгим взглядом и раздельно повторил: – Всякого неприятельского летчика, которого мы увидим в воздухе: будь он гоминьдановец, янки или японец. Для этого его нужно поставить в такие условия, чтобы у него не было возможности ни отразить наш натиск, ни вести самому нападение, ни искать поддержки у своих спутников. Поэтому нашим первым и главным шансом на выполнение задания является наша собственная слетанность. Слетанность – прежде всего.

– Задание нелегкое, – задумчиво проговорил Лао Кэ.

– Командующий сказал, – заметил начальник штаба, – что поэтому-то он и дает его именно нашему полку.

– Отец так и сказал? – спросил командир и, получив в ответ утвердительный кивок головой, с улыбкой поглядел на Фу Би-чена. – Что ж, командующий выбрал мою часть, мне остается выбрать бывшую вашу эскадрилью, Фу.

У Чэна мелькнула мысль, что сейчас-то ему и скажут: «Принять эскадрилью, выполнять задание!» Но вместо этого Лао Кэ сказал своему заместителю:

– И было бы совсем хорошо, если бы повели ее на задание вы.

– Благодарю, – коротко ответил Фу.

Лао Кэ обернулся к разочарованному Чэну.

– Вот все и устроилось, как вы хотели, – сказал он, – прямо в бой.

– Примите двойку второй эскадрильи, – сказал Фу Чэну. – Будете моим правым ведомым.

– Хорошо.

– Для ознакомления с подробностями задания и с моими указаниями явитесь ко мне в одиннадцать часов, – добавил Фу.

Ровно в одиннадцать Чэн пришел к Фу и выслушал его наставления, касающиеся местных условий работы, обстановки на фронте и методики боя, принятой в результате приобретенного здесь опыта. Чем дальше Чэн слушал, тем больше он убеждался, что ему предстояло либо переучиваться воевать, либо вступить в противоречие с командованием и летчиками. Но он держал себя в руках. Он слушал и молчал, полагая, что испытание будет недолгим и не сегодня-завтра он получит вторую эскадрилью. Тогда он на деле покажет Фу...

Пока Джойс проверял принятый им новый самолет, Чэн отправился по площадкам, чтобы познакомиться с летчиками других эскадрилий. Он переходил от самолета к самолету. Летчики встречали его приветливо. Они здоровались так, словно были с ним уже давным-давно знакомы. Разговор вращался вокруг профессионально-злободневных дел либо около быта, сурового, строгого, требовавшего отказа от многих привычек, от самых элементарных удобств.

Чем ближе время подвигалось к полудню, тем тяжелее становилось северянину Чэну. Солнце жгло невыносимо. Горизонт делался все более неверным, трепещущим от потоков поднимающегося с земли раскаленного воздуха. В мутной дали земля сливалась с побелевшим небом.

Преодолевая желание растянуться в траве, Чэн пришел на свою площадку. Тени от крыльев истребителей, под которыми лежали экипажи, становились все короче. Истомленные зноем оружейники и техники безмолвно подвигались вместе с тенью, заботливо уступая самое прохладное место летчику.

Подойдя к одной из машин, Чэн узнал летчика Вэнь И. Тот лежал в куртке, распахнутой на широкой груди, тяжелая голова его опиралась на закинутые под затылок огромные кулаки. От широких штанов раскинутые ноги выглядели необыкновенно массивными.

– Плохая жизнь! – с сокрушением сказал Вэнь И.

– Вам не нравится? – спросил Чэн.

– Худо... – Вэнь И сел и почти уперся головой в крыло своего истребителя. – Разве это жизнь для истребителя?! Пятый день без вылета. Сгнил, честное слово, заживо сгнил. Пятый день никого не сбиваю. Народ вокруг летает, а я...

– Я понимаю.

– В воздух нужно, а мы лежим. – Подумав, повторил сокрушенно: – Лежим!

– Значит, так надо, – сказал Чэн.

– Разве я не понимаю... – Не договорив, Вэнь И опять растянулся в траве и широко раскинул руки.

Но вдруг он выполз из-под крыла и устался в сторону командного пункта. Чэн глянул туда же и увидел свисающую с неба кудреватую черту ракетного следа. След медленно расплывался прозрачным дымком. Приглядевшись, Вэнь И полез в самолет. Чэн побежал к своей машине.

Через минуту, сидя в кабине истребителя, Чэн застегивал под подбородком шлем. А еще через минуту из-под его винта вырвалась упругая и твердая, как бич, струя воздуха. Она стегнула по траве, и стебли пригнулись к самой земле, затрепетали и скрылись под густой пеленой взлетевшей высокими клубами сухой земли. Чэн двинул сектор и с наслаждением всем существом ощутил, как напрягается машина, как дрожат в жадном нетерпении все ее части. Он поднял руку. Техник скрылся под крылом. Освобожденный от подкладок самолет побежал по аэродрому. Пальцы Чэна ласково обнимали штурвал. Плавno оторвавши хвост, истребитель неся навстречу жаркому горизонту. Летчик покосился на разбегавшийся рядом с ним самолет Фу и потянул ручку на себя.

Уверенно вел свою ясную, торжественную песню мотор; какая-то шальная струйка воздуха озорно посвистывала в щелочке колпака. Вокруг была только прозрачная синева неба. Чэн глубоко вздохнул и забыл обо всем, кроме полета...

Часть ушла на восток. Замер тянувшийся за нею гул моторов. С земли те, у кого зрение было лучше, еще могли разобрать, как самолеты, набирая высоту, подстраивались к своим ведущим, потом звенья сходились к комэскам и вся часть исчезала в ослепительном сиянии раскаленного неба.

На земле не осталось теперь и тех крохотных клочков тени, какую давали крылья истребителей. Техники надвинули шапки на глаза и, усевшись в кружок на забрызганной маслом траве, принялись негромко говорить о «своих» летчиках, словно соломенные солдатские вдовы:

– Это мой!

Истребители шли на восток, навстречу быстро набегающим с горизонта облакам. Далеко внизу узкой полоской блеснула Ляохахэ. Зелено-бурые волны пологих сопот потянулись к юго-востоку. По их склонам виднелись желтые черточки взрытой земли – окопы противника. Они тянулись беспорядочными линиями. Линий было много. Войска Чан Кай-ши быстро откатывались к морю.

Одной части истребителей предстояло штурмовать наземные войска гоминьдановцев, другой – прикрывать штурмующих.

Штурмующие стремительно снизились на цель. Сквозь рев моторов и оглушающий свист винтов воздух рванули пулеметные очереди. Словно тысячи пневматических молотков забивали гоминьдановскую пехоту в землю. Пехотинцы бестолково метались: одни выскакивали из окопов в поисках места, где можно было бы растянуться, прижавшись к спасительной земле;

иные, застигнутые штурмовкой на открытом месте, забивались в окопы, только что оставленные другими. Все, что было живого на оборонительном рубеже противника, искало спасения от струй горячего металла, лившегося с неба.

Высоко барражировали свои истребители прикрытия, чтобы не подпустить к штурмующим истребителей противника.

Наплывающие с востока облака постепенно затянули небо. И вдруг, когда атака уже подходила к концу, откуда ни возьмись, из облака, прямо на головное звено штурмующих вывалился гоминьдановский истребитель. По-видимому, вражеский летчик сам не ожидал такой встречи: едва завидев самолеты с опознавательными знаками НОА, он попытался постепенно набрать высоту, чтобы скрыться в облаке. Но путь к облакам был ему отрезан. Звено истребителей НОА гнало его к земле. Все ниже и ниже шел гоминьдановец. В поисках спасения он прижал машину к земле, змейкой заметался на бреющем. Ниже уже некуда – вот она, земля!..

Сверху застучали очереди истребителей. Серая машина сделала последнюю попытку вырваться из смертельного кольца преследующих. Напрасно – беспощадные очереди резали ее в лоб, по мотору, по бокам. Охваченный пламенем самолет задрался, как вставший на дыбы смертельно раненный зверь, на миг повис в воздухе, перевернулся. Через несколько секунд столб черного дыма поднимался к небу с того места, где вражеский самолет врезался в землю.

А тем временем уже завязалась смертельная игра со вторым гоминьдановцем, так же неожиданно появившимся из облаков и, подобно первому, попытавшимся избежать боя. Все разыгралось в том же порядке. Дружной атакой врага прижали к земле. Еще раньше, чем исчез столб дыма от первого сбитого самолета, второй враг задымил, ударился о землю, разламываясь на части, обрызгал пылающим бензином зеленый склон холма.

Лао Кэ сверху наблюдал за погоней, не пуская свое звено в бой. Заметив третий вражеский самолет, появившийся следом за первыми двумя, Лао Кэ решил пробить облачность, чтобы выяснить, откуда, словно слепые котята из мешка, сыплются враги. Но тут он увидел, что сбоку появилась еще семерка гоминьдановских машин. Одна из собственных «шестерок» Лао Кэ тотчас вступила в бой. К неприятельской семерке спикировали на поддержку еще два звена, словно по команде наведенные каким-то невидимым наблюдателем. Через несколько секунд в поле зрения командира было уже не меньше сорока – сорока пяти американо-чанкайшистских истребителей. В разрывы облачности были видны барражирующие над облаками вражеские самолеты второго яруса.

В такой тактике для Лао Кэ не было ничего неожиданного. Противник всегда придерживался своего приема выходить в бой с расположения несколькими ярусами, сильно эшелонированными по высоте. При этом самый верхний ярус, в который входило всего два-три звена, во главе с командиром всей части, держал высоту, максимально доступную данному типу самолета. На протяжении всего боя эти звенья ходили на своем «потолке», не принимая участия в сражении, каким бы ожесточенным оно ни было. Они, как настоящие стервятники, высматривали отбившиеся от строя или подбитые истребители НОА. Стоило одному из них отойти от звена, как разбойники оказывались тут как тут. Они бросались на одиночку и стремились растерзать его, прежде чем летчик успевал прийти в себя от внезапного наскока врагов. Если же он, отбившись, ускользал или снова умело пристраивался к своим, вражеские летчики, не преследуя его, не ввязываясь в общий бой, ныряли в облака. Они возвращались в верхний ярус, к своему командиру, чтобы кружиться там в ожидании новой добычи.

Но беда врагов состояла в том, что среди летчиков Народной армии не было трусов, пытавшихся избежать боя. Даже застигнутые врасплох, они дрались с ожесточением. Чаше всего бой затягивался до момента, когда на помощь приходили свои. Тогда врагам, кто бы они ни были: гоминьдановцы, американские наемники или подневольные смертники из Японии, не оставалось ничего иного, как удирать с поля боя. С каждым днем у вражеских звеньев верх-

него яруса делалось все меньше и меньше работы. Они ходили в поднебесье равнодушными наблюдателями того, как били их сообщников.

Истребители Народно-освободительной армии почти никогда, ни при каких обстоятельствах не покидали строя. Принцип «кулака», основанный на ударе компактной массой, на совершенном взаимодействии всех звеньев эскадрильи, дающийся в результате хорошей слетанности всей части, был положен в основу тактики боевой авиации. Этот принцип взаимодействия и взаимной выручки был заимствован у воздушных сил СССР и крепко вошел в сознание летчиков-истребителей Народной армии. Они представляли себе цель боя в нанесении врагу строго продуманного группового удара. Даже если летчик сам не мог вести боя – у него происходила задержка в оружии или кончался боекомплект, – он все равно стремился остаться в строю. Он старался принять участие в общем маневре, морально воздействуя своим присутствием на противника, отвлекая на себя его огонь, прикрывая товарища или оттирая врага от попавшего в трудное положение истребителя. Со временем, разгадав до конца разбойничьи приемы, привитые гоминьдановской авиации американскими инструкторами и теми воздушными пиратами Ченнолта, которых там называли «добровольцами», летчики НОА, входя в соприкосновение с противником, стремились сразу же завязать бой во всех «этажах». Ломая излюбленную неприятельскую тактику и смешивая этажи, летчики НОА использовали свое умение драться в строю и, не думая о личных трофеях, добивались максимального успеха.

Летчикам НОА удавалось дружным напором довольно быстро очистить верхний этаж от врагов и загнать их вниз, в общую кучу. Оглушенные стремительными атаками, оторванные от своего командира, утратившие привычную ежеминутную опеку и предоставленные самим себе, разношерстные, не спаянные ни единством цели, ни преданностью народу, и американские и китайские «воздушные тигры» Ченнолта и Чан Кай-ши становились жертвами дружно перемалывавших их истребителей.

Знакомясь с тактикой врага, летчикам НОА удалось нащупать его слабое место: привычку действовать не самостоятельно, а по приказам старшего командира. Эти старшие авиационные командиры, как правило, старались остаться вне боя. Они вели наблюдение за ним со стороны и помогали своим летчикам указаниями по радио. Но стоило гоминьдановским летчикам лишиться этих указаний, как они сразу теряли инициативу. Поэтому, если летчикам НОА удавалось выбить вражеского командира с его воздушного «командного пункта», рядовые летчики-гоминьдановцы утрачивали уверенность в себе, их действия лишались плановости и взаимосвязи.

Лао Кэ и Фу Би-чен, принимавшие участие почти в каждом вылете своего полка, внимательно изучали все ухищрения противника. По возвращении домой они производили тщательный разбор всего виденного, учитывали всякий новый прием врага.

В тот день, когда Чэн впервые оказался участником боевого вылета, противник применил совокупность всех своих хитростей. Пользуясь надвинувшейся плотной облачностью, гоминьдановцы построили трехъярусный барраж с очевидным намерением неожиданно свалиться на голову летчикам НОА. Но они упустили из виду, что принцип взаимной выручки в народной авиации не ограничивается дружбой звеньев одной эскадрильи или эскадрилий одного полка.

Когда количество горючего в баках уже заставило Лао Кэ думать о том, чтобы вовремя вывести своих людей из боя, в западном секторе неба появились сверкающие на солнце точки. Лао Кэ сразу понял: это свои – с запада никто не позволил бы врагу подойти в таком количестве. Очень скоро Лао Кэ различил контуры истребителей, мчавшихся ему на выручку. Это была резервная эскадрилья его полка. Ее натиск был настолько стремительным и дружным, что неприятельские летчики почти одновременно, не ожидая приказа своего командира, повернули прочь.

Лао Кэ бросил короткий взгляд на бензинометр и, вместо того, чтобы дать своим сигнал к отходу, повел звено наперерез удирающему противнику. Враги оказались в тисках. Нескольких

минут задержки, которыми мог рискнуть Лао Кэ со своим запасом горючего, было достаточно, чтобы истребители поддержки настигли гоминьдановцев. Началась новая фаза боя: истребление панически удиравших «Тигров».

Летя ведомым за Фу, Чэн заметил, что на два истребителя НОА, в пылу боя оттертых от своих, навалилась вражеская семерка. Прежде чем Чэн сообразил, что надо дать об этом знать командиру, он увидел самолет Вэнь И, устремившийся на помощь товарищам.

Находясь метров на пятьсот выше, Вэнь И решил атаковать с пикирования с последующим набором высоты. Когда он сблизился с противником, левофланговый гоминьдановец не выдержал и повернул в сторону. Правый же вошел в левый боевой разворот, явно намереваясь выйти Вэнь И в бок. Брюхо вражеского самолета оказалось прямо в поле зрения Вэнь И. Оставалось нажать гашетку, и короткая пушечная очередь ударила по врагу. Тот сразу завертелся и пошел вниз.

Вэнь И заметил, что с разгона оторвался от своих. Пока летчик набирал высоту, чтобы получить превышение над вторым вражеским самолетом, две гоминьдановские машины навалились на самого Вэнь И. Он должен был набрать высоту, чтобы присоединиться к своим. Пользуясь этим, враги легко вышли ему в хвост. Они не отставали, словно вцепились в него зубами. Вэнь И почувствовал легкий дробный стук где-то под ногами и понял: это пули врага.

Первой мыслью было: «Бак!» Но бак не был поврежден. Однако положение оставалось безвыходным. Стоило Вэнь И оторваться от правого преследователя, как он попадал под пулеметы левого. Короткими очередями враги гнали его из одного разворота в другой.

Вдруг сильная струя масла ударила в лицо Вэнь И. Нагнетаемое помпой горячее масло било из простреленного маслопровода, как кровь из перебитой артерии. Новые и новые струи – по очкам, в рот, в грудь.

Вэнь И сдернул очки, но глаза тотчас залило маслом. Несколько секунд он летел вслепую, пока не удалось перчаткой стереть масло. Вэнь И увидел, что стрелка бензиномера резкими скачками спешит к нулю. Единственной отчетливой мыслью летчика было: «Почему же не горю?..»

Самолет действительно не горел. По-видимому, бак или бензопровод были пробиты не зажигательной, а бронебойной пулей. Сощурившись и отведя лицо в сторону от струи масла, Вэнь И присмотрелся к манометру, – он еще показывал какое-то давление. Вэнь И решил, пользуясь последними вздохами мотора, набрать сколько удастся высоты и атаковать, а там будет видно. Но в тот самый миг, когда он потянул штурвал на себя, где-то сзади, за спиной, раздался довольно отчетливый металлический звон и удары по броневой спинке. Вэнь И понял, что неприятельская очередь пришлась по хвосту его самолета и по кабине.

Мысли были короткие, ясные. Такие же быстрые, как движения самолетов, как выстрелы, как все, что происходило вокруг, измеряемое десятими долями секунды. Но как ни быстры были мысли, как ни отчетливы и точны были решения, что мог сделать он один против многочисленных врагов? Может быть, потому, что его больная нога на сотую долю секунды позже, чем нужно, реагировала на приказ мозга, может быть, по другой причине, которую невозможно было проанализировать в столь неуловимый отрезок времени – в тот момент, когда рука Вэнь И потянула на себя, произошло непредвиденное: трос, идущий от управления к рулю высоты, был перебит. Напрасно Вэнь И прижал штурвал к самому животу; напрасно он старался вдавиться в броневою спинку сиденья, чтобы дать ручке еще хоть немного движения на себя. Машина уже вышла из повиновения. Вот самолет, вместо того чтобы устремиться свечой в голубеющее небо, вильнул хвостом, перевалился через нос и вошел в пике. Потом снова стал задирается.

На то, чтобы все это исследовать и понять, Вэнь И понадобилось несколько дорогих секунд. За это время враги успели всадить в беспомощный самолет еще две или три короткие очереди.

Враги поняли: истребитель беспомощен. Обнаглев, они безнаказанно заходили в любое положение и били по нему, удивляясь, очевидно, что он способен принять такое количество пуль и не рассыпаться в щепы. А зажатый в неуправляемой конструкции из металла и дерева Вэнь И был жив и невредим. В его мозгу текли спокойные, но быстрые мысли. И как это ни казалось невероятным в его положении, точкой, в которой эти мысли сходились, было стремление: «Ударить!» Эта мысль правильно чередовалась с другими, отмечавшими течение событий: «Масло... бак... сейчас зажгут... тросы управления... почему не горю?..» Но после каждой из них, словно бы посторонних, случайных и необязательных, мозг повторял неуклонно и точно: «Ударить!.. Ударить!..»

Вэнь И понадобилось большое напряжение воли, чтобы заставить себя поверить: «ударить» он уже не может и должен благодарить судьбу за то, что, вопреки здравому смыслу, его машина хотя бы не горит, а только беспорядочными витками стремится к земле.

Земля быстро приближалась, зеленая, твердая, всеобъемлющая. Она подытоживала любой полет: и тогда, когда летчик вылезал из самолета, чтобы размять затекшие в тесном сиденье мускулы, и мысленно перебирал перипетии недавней победы, и тогда, когда он стремился к земле вот так, как сейчас Вэнь И, наконец, тогда, когда она принимала в свои жесткие последние объятия того, кто уже ни о чем не думал, ни на что не надеялся, не протестовал и не сопротивлялся.

Итак, Вэнь И понял: сопротивляться невозможно. Он вспомнил о том, к кому всегда возвращалась мысль китайских коммунистов – на земле и в воздухе, в учебе, в бою и на отдыхе. Он вспомнил о том, кто думал о них всех: больших и малых, дерущихся и отдыхающих, возвращающихся с победой и отдавших за нее жизнь. И Вэнь И постарался себе представить, что подумал бы Мао Цзе-дун сейчас, если бы мог видеть летчика Вэнь И в самолете, беспомощно несущемся к земле. Ведь Вэнь И забыл, что именно он является самым ценным в этом поврежденном клубке металла и мускулов, золотым фондом авиации китайского народа, о сбережении которого обязан думать каждый человек, каждый сын партии, а следовательно, и сам Вэнь И.

Тут летчик поглядел на себя как бы со стороны: почему теряет время? Разве не пора подумать о парашюте – единственном, что ему оставалось? Он огляделся. Посмотрел на суету преследовавших его врагов и стал внимательно следить за движениями своего разбитого самолета. Уловив момент, он повел ручкой управления в сторону, чтобы движением элеронов помочь самолету перевернуться на спину. Тут же мелькнула мысль: если он, выпав из самолета, сразу же выдернет кольцо парашюта, враги расстреляют его на медленном падении. Поэтому, вывалившись из самолета, Вэнь И пошел затычным. Его сильно завертело. Напряжением всех своих физических сил он старался выправить падение и увидел, что земля неожиданно близка. Он крепче сжал кольцо и вдруг почувствовал, что его силы израсходованы на борьбу с вращением собственного тела. Этот большой, сильный и мужественный человек вдруг понял, что у него не хватает сил выдернуть не оказывающее никакого сопротивления кольцо.

Погибнуть так глупо, бесцельно. Нет! Он поднял левую руку и ударом кулака по правой заставил ее вырвать кольцо.

До земли было так близко, что Вэнь И даже не успел посмотреть на купол парашюта. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы как следует приземлиться. Он поджал как можно выше больную ногу и боком ударился о землю. И именно тут, в момент этого первого спасительного прикосновения к земле, в сознание неожиданно ворвалась мысль: «Конец!» Прямо на него, с оглушающим ревом мотора, пикировал враг. Вэнь И отчетливо видел широкую звезду его мотора, отчетливо слышал стук пулеметов.

Да, это был действительно конец, но, как оказалось, не для Вэнь И, а для врага, погнавшегося за парашютистом. Следом за неприятельским самолетом, почти в струе от его винта,

расходуя последние капли бензина, пикировал Чэн и короткими, прерывистыми очередями приколачивал его к земле.

Пират воткнулся в траву в сотне метров от Вэнь И. Остатки его самолета вознеслись к голубому небу столбом густого, черного дыма...

Это столкновение было для Чэна совершенно неожиданным. У него кончалось горючее, и он возвращался на свою точку. Сберегая последние капли бензина, он шел по прямой и тут-то и наскочил на врагов, пытавшихся добить спускавшегося на парашюте Вэнь И. Встреча была настолько внезапной, что Чэн не успел испытать волнения боя. Это был его первый трофей, доставшийся ему неожиданно легко и просто.

Приземлившись на своем аэродроме, Чэн отрулил на место с повисшим на консоли радостно взволнованным Джойсом. Через час на точку вернулся Вэнь И. Он с видом заговорщика кивнул Чэну и поманил его к себе.

– Помогите, прошу вас. Никак не вылезу так, чтобы незаметно было, что я хромаю.

Опершись на руку Чэна и стиснув зубы от боли, Вэнь И подошел к истребителю Чэна и растянулся под его крылом.

– Я не помешаю, – сказал он Джойсу. – Отлежусь немного, если позволите. А то командир заметит, как ковыляю, худо будет... А крепко мы их ударили! – обернулся он к Чэну. – Не скажете ли, сколько набили?

– Говорят, шестнадцать, – сказал Джойс из-под капота, куда залез почти по пояс.

– Хорошо! – показывая веселый оскал зубов, воскликнул Вэнь И. И неожиданно добавил: – До чего же есть хочется!

– Сейчас принесут, – охотно отозвался Джойс, тоже успевший проголодаться.

Чэн взглядом показал на больную ногу Вэнь И.

– Не следовало вам сюда являться.

– Заметно? – озабоченно спросил Вэнь И.

– Во-первых, заметно, а во-вторых, вы ведь теперь без самолета.

– Верно, конечно, но разве не может быть, что кого-нибудь из нашего народа поцарапало, на второй вылет идти не сможет, а я тут как тут?

При виде носильщика с обедом Вэнь И выполз из-под крыла, приветственно помахивая ему рукой. Не дожидаясь, пока примутся за раздачу, Вэнь И сам приподнял крышку котла и зажмурил глаза от удовольствия, когда на него пахнуло ароматом лапши, сваренной со свиной и чесноком. Он еще густо посыпал свою порцию черемшой и, ловко работая палочками, в один прием втянул метровую ленту лапши. Огромная гора горячего теста быстро исчезла из его чашки, и он потянулся за второй порцией.

– Извините, но так немудрено и в весе прибавить, – с улыбкой заметил Чэн, который ел не спеша, маленькими кусочками отщипывая тесто пампушки.

– Это от душевного спокойствия, – совершенно серьезно ответил Вэнь И. – Уравновешенность и полное сгорание.

– Совершенно верно, – поддержал Джойс. – Уравновешенность – залог хорошего пищеварения, правильное пищеварение – залог уравновешенности. Правильный круг.

– Я вижу, мы с вами понимаем друг друга, – сказал Вэнь И. – Разрешите, я тут сосну, а вы последите за событиями. Если кто-нибудь на второй вылет не пойдет, сразу меня в бок – очень вас прошу. Один вылет в день – это какая же жизнь для истребителя!

Он поудобнее примостил голову на парашютном чехле и широким движением закинул руки за голову. Чэн с завистью глядел на Вэнь И. Он очень устал, но не прошедшее еще возбуждение недавнего боя лишало его самой возможности поспать. Вэнь И уже сомкнул было веки, когда Чэн неожиданно спросил:

– Как, по-вашему: летчики любят Фу Би-цена?

– Любят? – Вэнь И с неохотой поднял веки. – С вашего любезного разрешения, я хочу сказать, он не девица!

– Вы меня не поняли.

– А, догадался: насчет уважения?

– Вот именно.

– Хорошего командира всегда уважают, – снова закрывая глаза, пробормотал Вэнь И. – А Фу – хороший командир. Так мне кажется, если вы позволите.

Он умолк. Чэн ожидал продолжения. Не дождавшись, приподнялся на локте и удивленно поглядел на Вэнь И: тот уже спал, сладко посапывая. Чэну хотелось поговорить о только что прошедшем боевом вылете. Его впечатления были несколько противоречивы. Ему столько толковали здесь о необходимости отказаться от навыков истребителя-одиночки, а он видел, как вокруг основного узла боя завязывались одиночные схватки. Летчики той самой эскадрильи, в которой он летал, бросались в одиночные атаки, даже когда враг превосходил их числом. Эти одиночные схватки не нарушали общего плана боя. А ведь Фу утром несколько раз настойчиво повторил ему: «Коллектив, организованность, слетанность, удар массой!» По-видимому, истину следовало искать где-то посередине между привычным одиночным боем и местной теорией, как ее понял Чэн.

Его размышления были прерваны приходом начальника штаба. Прямой и строгий, Ли Юн расхаживал между лежавшими на земле летчиками и собирал сведения о сегодняшнем вылете для составления боевого донесения.

– Кажется, вас можно поздравить с первым трофеем, – приветливо сказал он Чэну. Чэн уже готов был поверить тому, что начальник штаба вовсе не такой сухарь, каким показался сначала, но тут Ли Юн как бы невзначай добавил: – Но судя по тому, что докладывали очевидцы, этот трофей сам полез к вам в мешок.

Чэну показалось, что Ли Юн намерен снизить значение его первой победы: «Не зазнавайся, мы знаем цену всему». И если за несколько минут до того Чэну хотелось поделиться с кем-нибудь переживаниями своего первого боевого дня, рассказать самому и услышать от других, как он сбил свой первый приз, то теперь у него пропало желание даже делать начальнику штаба официальный доклад. «Раз ты уже знаешь все со слов других, так что же нужно от меня?» – подумал Чэн и почти то же самое сказал вслух, разумеется, в более вежливой форме.

Однако Ли Юн стал подробно расспрашивать его обо всем виденном: о действиях других летчиков звена, эскадрильи и даже всего полка. Он особенно интересовался тем, кто, сколько и при каких обстоятельствах сбил самолетов противника.

– Такой странный народ, – как бы в оправдание своей настойчивости заметил Ли Юн, – от самих никогда не узнаешь ничего ясного: «Товарищи видели, они скажут»... Я бы не решился назвать наш народ чересчур стеснительным, а тут вдруг превращаются в девиц.

– Позволяю себе думать, что у вас-то ошибок, наверно, не бывает, – не без язвительности ответил Чэн.

Ли Юн не заметил иронии или, хорошо владея собою, не подал виду, что заметил ее.

– О да, я люблю порядок, – просто ответил он. И, словно взвесив еще раз сказанное, повторил: – У меня порядок!

– А я, извините меня, наоборот, – сам не зная зачем, сказал Чэн, – не люблю слишком большого порядка.

– Это очень печально. – Ли Юн поднял брови. – Я думал, что вы, как инструктор, вырабатывали в себе большую любовь к порядку. И, кроме того, считаю необходимым заметить: порядок никогда не бывает слишком большим. Наоборот: в любом, даже самом большом, порядке всегда немного не хватает до полного.

Чэн отлично понимал правоту начштаба и знал, что сам он сказал о себе неправду: он любил порядок, умел его добиться и знал ему цену. Но Ли Юн принял его слова за чистую монету и наставительно повторил:

– Если вы не любите порядка, вам никогда не удастся достичь хороших результатов. Командир Лао Кэ и товарищ Фу Би-чен чрезвычайно требовательны в отношении порядка. Мы очень строго относимся к нашим людям. – Ли Юн пристально посмотрел на Чэна и еще раз отдельно повторил: – Особенно товарищ Фу Би-чен.

С этими словами он взглянул на часы и, прямой и точный в движениях, пошел к следующему экипажу.

Глава 7

Густая горячая тишина висела над степью. Воздух был недвижим. Но у горизонта, словно увлекаемая могучим вихрем, стена пыли вздымалась до самого неба. Она вихрилась, как от дуновения огромного вентилятора, на некоторое время повисала в воздухе и начинала медленно оседать.

Тот, кто вместе с лучами заходящего солнца поглядел бы спереди на этот извивающийся по пустыне песчаный вихрь, увидел бы в его центре мчащийся с большой скоростью автомобиль. Вихрь измельченного в тончайшую пудру песка тянулся за ним шлейфом в несколько километров. Автомобиль летел к повисшему над горизонтом солнцу. Лучи солнца ударяли прямо в ветровое стекло автомобиля. Водитель и сидевший рядом с ним адъютант опустили синие щитки.

Адъютант полуобернулся к заднему сиденью. Темно-синий блик от щитка лежал на нижней части смуглого лица Соднома-Дорчжи. Хорошо видимыми остались только маленький, с горбинкой нос, широкие блестящие скулы и высокий лоб с упавшей на него прядью черных волос. Небольшие, глубоко запавшие, с узким разрезом глаза Соднома-Дорчжи были устремлены вперед, мимо головы адъютанта.

Коренастый, с широкими плечами и высокой грудью, с глубоко засунутыми в карманы пыльника мускулистыми руками Содном-Дорчжи в течение нескольких часов не сделал иного движения, кроме необходимого для закуривания папиросы. Закурив, он держал ее во рту до тех пор, пока не начинал тлеть картон.

Содном-Дорчжи ни разу не посмотрел на сидевшего по левую руку от него человека. То был ничем не приметный монгол с плоским рябым лицом. Осыпь рябин была так густа, что от набившейся в них пыли лицо стало совершенно серым. Монгол сидел, откинувшись на подушку, полуприкрыв глаза. Тонкие, почти черные от загара кисти его рук были зажаты между коленями.

Он сидел так же неподвижно, как Содном-Дорчжи. Его одежда состояла из одних рваных коротких штанов и куртки. Тело монгола было похоже на туго свитый жгут почерневших на солнце мускулов. Несколько больших ссадин, покрытых свежезапекшейся, еще не успевшей почернеть кровью, виднелось на руках и груди.

Шли часы. Нижним краем солнце уже почти коснулось гребенки холмов на горизонте. Содном-Дорчжи впервые, не поворачивая головы, бросил соседу:

– Гомбо, не провозись вы столько времени в Араджаргалантахите, мы были бы уже в Улан-Баторе.

– А если бы вы еще немного опоздали к Араджаргалантахиту, я навсегда остался бы там, – спокойно ответил монгол.

Некоторое время снова длилось молчание. Потом Содном-Дорчжи бросил, ни к кому не обращаясь:

– Если летчик не сядет в Ундур-Хане до захода солнца...

Содном-Дорчжи не договорил, но адъютант понял, что слова относятся к нему. Прежде чем ответить, он смерил взглядом часть солнечного диска, которой оставалось еще спрятаться за горизонтом.

– Успеет, – сказал адъютант и, чтобы отвлечь мысли начальника, указал на промелькнувшую мимо автомобиля группу глинобитных домиков и юрт. Их западные стены были облиты густым багрянцем заката.

– Мунху-Ханый-сомон, – сказал адъютант.

Лай собак на миг прорезал ровный гул мотора. Содном-Дорчжи не повернул головы. Шофер поднял синий козырек: солнце ему уже не мешало.

– Скорей! – бросил Содном-Дорчжи.

Шофер нажал на акселератор. Стрелка спидометра перешла за отметку «100». Шофер больше не сбрасывал газ на поворотах. Автомобиль угрожающе кренился, скрипели баллоны. Седоков прижимало то к одной, то к другой стороне кабины. Содном-Дорчжи не менял позы.

Дорогу перерезал заболоченный рукав Хэрлэнгола. Шины прошуршали по воде. Брызги, как рикошетирующие пули, наискось ударили по стеклам, сбивая пыль. Автомобиль взлетел на пригорок. Это была последняя гряда пологих холмов перед спуском в долину Ундур-Хане.

Дорога пошла неглубокою балкой, тесной и извилистой. Шофер сбросил газ и через минуту остановил автомобиль: поперек пути медленным потоком двигалось овечье стадо. Большая его часть скрывалась за завесой пыли, из-за которой доносился только многоголосый шум. Давать сигналы было бесполезно. Шофер растерянно оглянулся.

– Поезжай, – сказал Содном-Дорчжи.

Автомобиль медленно тронулся, раздвигая стадо. Ближайшие к автомобилю овцы заматались, но со всех сторон их сжимала плотная масса животных. Они давили друг друга с такой силой, что некоторые овцы взбирались на спины соседей и бежали по ним. Одиноким верблюд, неизвестно как затесавшийся в стадо, задрал голову и, высоко поднимая ноги, пытался проложить себе путь в месиве бляющих овец.

Шофер остановился.

– Поезжай! – повторил Содном-Дорчжи.

Но автомобиль не двигался. Масса животных вращалась вокруг него, как водоворот у коряги.

Испуганный воем мотора, верблюд совершил неуклюжий прыжок. Его большое горбатое тело повалилось на бок. Взбрыкнув, верблюд ударил ногою прямо в нос автомобиля. Облицовка была пробита, и вода потекла из радиатора веселыми струйками, выпускающими клубы пара.

Из-за песчаной завесы показался всадник. Издали узнав Соднома-Дорчжи, он пробился сквозь стадо, перешел на галоп и на всем скаку спрыгнул на землю. Улыбаясь и неуклюже растопырив пальцы, он протянул Содному-Дорчжи руку для пожатия.

– Далеко ли до Ундур-Хане? – спросил Содном-Дорчжи.

Пастух ласково погладил теплый капот автомобиля.

– Твоему черту два шага.

– Ты же видишь: «черт» издох.

Пастух покачал головой.

– Айяха! Такая арба сломалась... – Он подумал и предложил: – Давай залепим дырки навозом.

– Сколько ходу на коне до Ундур-Хане? – терпеливо переспросил Содном-Дорчжи.

– Какой конь?

– Твой конь...

Пастух подумал:

– Может, час, может, больше.

Адъютант подбежал к заседланному коню пастуха и, не притрагиваясь к стремяни, на лету поймал повод и вскочил в седло.

– Пришлю сюда летчика! – крикнул он, подняв плетъ.

– Нет! – резко крикнул Содном-Дорчжи. – Он не успеет сесть до темноты, самолет сломает.

Адъютант посмотрел на закат и опустил плетъ: от пурпурного диска над горизонтом почти ничего не осталось.

– Дай мне еще трех коней, – сказал Содном-Дорчжи пастуху.

Тот надел шапку на длинный шест, которым погонял скот, и, размахивая им над головой, пронзительно засвистел.

Через минуту еще несколько пастухов подъехало на зов. Так же как первый пастух, узнав Соднома-Дорчжи, они прыгивали на землю и с радостными улыбками подходили для приветствия. По-видимому, пастухи полагали, что предстоит дружеская беседа. Но по насупленным бровям и сурово сжатому рту Соднома-Дорчжи они поняли, что ему не до разговоров, и молча замерли в почтительном ожидании.

Однако после некоторого колебания старший из пастухов все же подошел к Содному-Дорчжи.

– Я хочу сказать тебе очень важное.

– Говори, – сумрачно ответил Содном-Дорчжи.

– Нам не нравится то, что происходит в степи: на протяжении месяца мы третий раз вылавливаем лам. Откуда им быть? Ты же сам знаешь: уже много лет, как народ изгнал их из республики. – И, недоуменно разводя руками, пастух переспросил: – Откуда им быть?

– Сколько поймали на этот раз?

– Шестерых.

– Наши или баргутские?

– Всеякие есть, даже тибетские...

Содном-Дорчжи быстро сопоставлял в уме это сообщение с теми, что уже на протяжении значительного времени поступали с разных концов страны: ламы появлялись то тут, то там. Это не были какие-нибудь осколки прошлого, столько лет скрывавшиеся в степях Монгольской Народной Республики. После большего или меньшего запирательства все они в конце концов признавались, что перешли границу не так уж давно: одни только-только, другие с месяц, третьи с полгода тому назад. Не желая оскорблять чувства верующих, хотя и немногочисленных уже, но кое-где еще сохранившихся в стране, органы безопасности обращались с ламами с известной осторожностью. До сих пор не удавалось еще установить, являются ли эти случаи нарушения границы звеньями одной цепи, которая куется где-то за рубежом врагами республики, или простым совпадением. Но мало верилось в такое удивительное совпадение. Отдельные данные, мелкие штришки и признания давали основания предполагать, что попавшиеся ламы – только неосторожный авангард более крупной шайки. Но что это за шайка, каковы ее цели, численность и кто ее хозяева – изгнанные из Монголии князья, или духовные правители, или иноземные враги республики, уже не в первый раз пытающиеся руками лам нанести удар народной власти, – все это было еще не совсем ясно. Но опыт и выработавшееся за много лет государственной деятельности чутье подсказывали Содному-Дорчжи, что на этот раз у лам есть другой, более сильный и искушенный в крупных диверсиях хозяин, чем незадачливый перерожденец. Добыча, которую он так поспешно вез сегодня из Араджаргалантахита в Улан-Батор, казалась Содному-Дорчжи ключом к открытому заговору.

– Скоро ли дадут мне коней? – нетерпеливо спросил он пастуха и, как только подвели лошадей, тотчас вскочил на одну из них и движением подбородка указал адъютанту на задок автомобиля. Там к решетке багажника был прикручен длинный тук, завернутый в запыленную кошму.

Адъютант быстро распутал веревку и потянул конец кошмы. На землю вывалился связанный по рукам и ногам Харада.

– Айяха! – с одобрительным интересом в один голос воскликнули пастухи.

Они подошли ближе, и первый из них безапелляционно сказал:

– Японец!

Пастухи помогли адъютанту поднять пленника на лошадь. Через минуту он был привязан к седлу. Адъютант перекинул повод через голову коня и подал сидящему на другом коне Гомбо-Джапу.

Ударами своих длинных палок пастухи проложили всадникам путь сквозь стадо. Взмаемое копытами четырех коней облачко пыли покатилося по степи напрямик к Ундур-Хану. В темнеющем воздухе оно казалось розовым и почти прозрачным.

Пастухи глядели ему вслед и покачивали головами.

– Японец, – сказал старший из них. – Тц-тц-тц...

Двое из них сплюнули и достали из-за поясов трубки.

Глава 8

На второй день пребывания Чэна в полку опять был вылет.

Чэну чудилось, будто за яркой «голубой ящерицей» на киле идущего впереди истребителя, за колпаком фонаря он видит прикрытое темными очками строгое лицо Фу. Хотя тот и не думал оглядываться, Чэну казалось, будто голова ведущего то и дело поворачивается к его «лисе», как бы проверяя, не потерял ли строя его бывший учитель. Это раздражало Чэна. Как он ни старался подавить в себе обиду, что вынужден равняться по своему ученику, какие разумные доводы ни приводил в пользу того, что нет в его положении ничего зазорного, в душе все-таки саднило что-то похожее на обиду. Чтобы не думать об этом, он старался смотреть туда, где маячила в воздухе «ящерица», не чаще, чем нужно было, чтобы держать дистанцию и заданное превышение.

Чэн стал поглядывать вниз. Сверху земля казалась не такой однообразной, как внизу. Она расстилалась бесконечным разноцветным ковром – то уходила вдаль яркими, сочными пятнами буйно-зеленых рощ, то лежала черными полосами рисовых полей. Дальше к югу холмились беспорядочные складки предгорий.

И вдруг из-за холмов появились озера. Они лежали рядами, как разноцветные бусы, окрашенные в неправдоподобно яркие цвета: ослепительно-голубые, ядовито-зеленые, желтые и красно-коричневые, в оправе обсыхающих песков.

Вот впереди блеснула лента реки Ляохахэ. Чэн мельком глянул на «голубую ящерицу» Фу, набиравшего высоту, и последовал его примеру. Ляохахэ прошли на боевой высоте. Линия переднего края обозначалась дымками разрывов.

Чэн огляделся. Небо казалось чистым. Но едва он успел это подумать, как впереди вправо блеснул желтый огонек разрыва снаряда зенитки. Хлопья черного дыма метнулись в стороны и, казалось, застыли в воздухе почти неподвижной звездой. Вот разорвался еще один снаряд, третий, четвертый. Они рвались правильной полосой – противник ставил завесу. Чэн отвел взгляд от разрывов, чтобы следить за Фу. Тот все набирал высоту. Потом метнулся вниз. Чэн стал следить за движениями «ящерицы», анализируя пилотажа Фу. В Чэне проснулся взыскательный инструктор: хотелось к чему-нибудь придраться. Но он не мог уловить никакой ошибки: движения машины были правильны – Фу владел техникой пилотажа великолепно. Как только сознание Чэна это отметило, чувство почти неосознанной неприязни, гнездившееся где-то в глубине души, оказалось подавленным другим чувством, большим и радостным, – гордостью за ученика.

Что же, может быть, и впрямь, не заболел тогда в школе забракованный им учлет, Чэн переменял бы о нем мнение. Быть может, он сам сделал бы из Фу «настоящего человека», того полноценного человека воздуха, создание которого доставляло столько радости, но которого из Фу сделал кто-то другой. А все-таки кое-что сделал и он, Чэн! Как бы ни сложились обстоятельства, а ведь он, Чэн, несет частицу ответственности за Фу.

Между тем от Фу последовал приказ: «Внимание!» И тотчас же: «Собратся ко мне!» Чэн прибавил обороты, сокращая дистанцию. Любопытно: чем вызван сигнал ведущего? Но долго гадать не пришлось: прямо над головой, из густой облачности, затянувшей небо, появилось звено серых самолетов. Чэн разобрал: это не были обычные строевые машины врага, у этих оперение было необычно высоко вынесено над концом фюзеляжа.

Машина Фу стремительно полезла вверх и крутой горкой ушла в облака, следом за пустившимся наутек звеном противника. Чэн двинул сектор и с удовольствием почувствовал движение вверх послушной машины.

Тысячу раз испытывал он это ощущение напрягшейся в усилиях, круто набирающей высоту машины. Тысячу раз его внимание бывало сосредоточено на том, чтобы не превзойти

предел, на котором мотор скажет «довольно» и самолет вдруг повиснет. Тысячи раз чутко следил он за дыханием машины, казалось, всем своим существом слившись с ее конструкцией, в которой для него уже не было отдельных частей, а был единый механизм, точный, совершенный, послушный и в то же время чувствительный к малейшей ошибке, которую мог допустить летчик, – механизм строгий и не прощающий оплошностей.

Да, тысячу раз испытывал все это Чэн, но никогда еще это ощущение не было таким острым. Сегодня это чувство усиливалось близостью противника.

Чэн проводил взглядом самолет Фу, нырнувший в облако. Следом в молочную муть вошел и сам Чэн. Тонкая облачность была пробита. Над головой засияла ослепительная голубизна неба. На его чистом фоне Чэн сразу заметил рой самолетов противника. Он-то думал, что вместе с товарищами преследует вражеское звено, а оказалось, что быстроходные новые самолеты противника завлекали их в засаду под удар своих строевых истребителей. Неприятельские самолеты по крайней мере вдвое превосходили их числом. Враги были близко, и Чэн ясно различал и их окраску, и характерный контур. На ум пришло настойчивое напоминание Фу: «Не столько думайте о том, чтобы сбить врага, сколько о том, чтобы прикрывать хвост самолета ведущего. Тогда трофей сам попадет вам в прицел. Не бойтесь за свой хвост – о нем думают ваши товарищи». Как это новое правило противоречило тому, что сам он втолковывал ученикам: «Ни на минуту не забывайте о своем хвосте. Истребитель, забывший о своем хвосте, – верная добыча противника...»

А что, если в самом деле попытаться выкинуть из головы всякую мысль о том, что у тебя есть хвост – самое уязвимое место истребителя? Что, если заставить себя непоколебимо верить: о твоём хвосте думают товарищи, так же как ты сам думаешь о хвосте другого? Не явится ли это гораздо более надежной гарантией защиты твоего тыла, чем собственное ограниченное внимание, которое по необходимости приходится рассредоточивать на всю полусферу вокруг себя?..

Впрочем, обстоятельства мало подходили для размышлений. Вон «голубая ящерица» Фу качнулась, призывая эскадрилью к атаке.

Чэн быстро огляделся.

Обстановка казалась невыгодной для эскадрильи – противник был значительно многочисленней. Тем не менее Чэн в душе одобрил решение Фу. Все казалось ему не страшным теперь, когда он пришел к заключению о правильности наставлений заместителя командира полка. Как будто его собственные силы умножились. Чэн без всякого внутреннего сопротивления послушно повел машину за «голубой ящерицей»...

Фу Би-чен видел, как вся эскадрилья развернулась следом за ведущим звеном. Самолеты шли с набором высоты, навстречу противнику. Дистанция быстро сокращалась. Все развивалось так, как уже не раз бывало здесь.

Истребители летели компактной массой, не обращая внимания на огонь, который гоминьдановцы открыли издалека. Летчики Фу Би-чена берегли патроны для верного удара.

Фу радовался выдержке своих летчиков. На ее воспитание ушло немало усилий. Нужно было на деле доказать, что открывать огонь с большого расстояния – значит уменьшать запас патронов в стрельбе с дистанции прицельного огня, когда шанс на попадание повышается вдвое, втрое, вдесятеро. Не так-то просто было заставить летчика снять палец со спуска, когда он видел, как враг дает по нему самому очередь за очередью. Но Лао Кэ и Фу добились этого от всех своих людей. Фу с гордостью думал теперь о том, что в ближний бой его эскадрилья войдет с полным боекомплектом. Но вдруг он с досадой заметил: правый ведомый открыл огонь без команды. Фу не вспомнил при этом о Чэне. Это была для него просто «лиса» – такой же самолет, как все остальные. Лишь секундою позже пришло на память имя – Чэн. Фу подумал: «Нервничает...» Было вдвойне досадно, что нервничает именно Чэн, его бывший учитель. Здесь, в боевой обстановке, он, Фу, превратился из ученика в учителя; он, Фу, несет

ответственность за жизнь своего бывшего учителя и за жизнь товарищей, которых этот учитель должен прикрывать. Правильно ли, достаточно ли убедительно изложил он Чэну свои взгляды на бой?.. По-видимому, нет, раз Чэн выпустил очередь без всякого толка. Да, за эту очередь, которая может сбить с толку остальных летчиков, отвечает он, Фу...

Противник продолжал атаковать сверху.

«Что ж, лобовая, так лобовая», – подумал Фу. Выбрав себе целью ведущий вражеский самолет, он склонился к трубе прицела. И вдруг за привычным силуэтом командирской машины противника он различил очертания опытного американского моноплана. Машина была чрезвычайно компактна. Своим малым лбом она отличалась от окружающих ее самолетов прежнего типа.

И тут произошло нечто неожиданное для ведомых Фу летчиков: ведущий отвернул от американца, резко увел машину вправо и с набором высоты вышел над противником. Можно было подумать, что Фу забыл все традиции полка и собственные инструкции, многократно и настойчиво преподававшиеся летчикам: «Не бойтесь лобовой атаки. Враг ее не выдерживает. Когда наступит момент действительного риска столкновения, он отвернет первым. Зато у вас будет выгодная возможность с кратчайшей дистанции поразить его».

Маневр Фу был настолько необычным и неожиданным, что в рядах эскадрильи произошло секундное замешательство. Как ни коротко оно было, Чэн не мог его не заметить, так как сам был его невольным участником.

А Фу, развивая максимально возможную скорость, уводил теперь со снижением свою эскадрилью на запад. Вот на короткий момент самолеты окунулись в облачность, вот уже пробили ее. Летчики увидели землю. Едва уловимая на быстром движении, мелькнула лента реки.

Не сбавляя оборотов и теряя высоту, Фу несся на запад. Чэн старался не отставать, хотя не понимал, что заставляет Фу так спешить, когда строевые машины гоминьдановцев уже остались позади. Только новый американский истребитель следовал за эскадрилей, словно увлеченный погоней. Не было ли совершенным позором уходить от такого противника? Чэну казалось: еще немного, и он не выдержит – вырвавшись из строя, атакует янки...

Фу временами выравнивал машину. Но как только противник приближался сзади на дистанцию действительного огня, снова двигал сектор, набирая скорость.

Река осталась далеко позади. Фу, так же неожиданно, как при выходе из атаки, сделал горку. Переход был столь стремителен, что перед глазами Фу пошли темные круги. Кровь отлила от головы.

Преодолевая напряжение одеревяневшей шеи, Фу оглянулся. Ему хотелось своими глазами убедиться в том, что эскадрилья следует за ним, хотя он знал, что иначе и быть не может. Он пересчитал самолеты: все тут. С таким же усилием повернул голову и с беспокойством оглядел небо. Он был убежден, что если новый истребитель оторвется от массы своего сопровождения, янки не ввяжется в бой.

Фу потерял скорость на горке для того, чтобы дать возможность менее скоростным гоминьдановцам нагнать американца. Не все, но по крайней мере пять или шесть звеньев пиратов были теперь поблизости. Фу старался не потерять американца в общей карусели. Не напрасно же Фу разыграл это позорное бегство. Теперь нужно было навалиться всеми силами, оттереть янки от всей стаи, заставить его сесть.

– Нажимать, пока не сядет! – вслух повторил Фу и даже стиснул от напряжения зубы.

Как было условлено перед вылетом, его эскадрилья рассыпалась на звенья. Звенья вышли противнику во фланги, чтобы разбить его строй и заставить бросить командирское звено, в составе которого теперь шел американец. Звено самого Фу, находясь над американцем, должно было заставить его сесть.

«Нажать, нажать!» – непрерывно звенело в голове Фу. Набрав высоту, он камнем устремился на противника, стараясь выбить новый самолет из ведущего вражеского звена. Но, по-

видимому, враг понял, чего добиваются истребители Фу. Во всяком случае, он не рассыпал строй, как обычно, и не завязывал одиночных боев. А янки, как пришитый, висел на хвосте своего ведущего командира. По-видимому, он оставил намерение показать отменные боевые качества нового самолета и думал только о том, как бы вырваться из мясорубки. Вероятно, летчик, сидевший в этом новом самолете, разгадал, что именно он-то и был целью всей сложной игры, а может быть, это было ему передано по радио. Как бы то ни было, он жался к своим после нескольких бесплодных попыток вырваться на высоту, где он мог бы воспользоваться своей быстроходностью и улизнуть. Но звено Фу каждый раз заставляло его снова втиснуться в кучу мечущихся, как осиный рой, гомильдановцев.

Наконец момент показался Фу подходящим для решительного удара. Его истребитель сверкнул в лучах солнца и вошел в отвесное пики. В следующее мгновение он был уже под брюхом американца. Чэн ждал, что сейчас от носа самолета Фу к американцу протянется пучок белых трасс и все будет кончено, но Фу сделал переворот в сторону Чэна и ушел из атаки, не дав ни одного выстрела.

«У Фу задержка в пулеметах», – мелькнула у Чэна острая, как боль, мысль. Положение Фу показалось Чэну затруднительным. И действительно, в следующий миг американец оказался под хвостом самолета Фу и выпустил две короткие очереди. Чэн различил нитки его трассирующих снарядов. Он не помнил уже ничего, кроме того, что сейчас, может быть в следующую секунду, сноп пламени и черного дыма охватит самолет Фу. К его удивлению и досаде, Фу, не сбрасывая американца с хвоста, вошел в пологую петлю, словно нарочно подставляя себя врагу. Американец, пользуясь выгодным положением, дал еще одну очередь.

Чэн отлично знал, что именно этот американский истребитель – цель их вылета, именно он нужен командованию. Но как бы ни был нужен командованию этот самолет, Чэн не мог пойти на то, чтобы щадить его в момент, когда янки угрожал жизни Фу! Рука Чэна почти помимо его воли легла на сектор. Самолет, гудя мотором и дрожа, выходил правым боевым разворотом в хвост американцу, продолжавшему вести огонь по Фу. Не отпуская гашеток, Чэн послал «страховую» очередь, хотя был уверен в безошибочности своих первых пуль. И действительно, дымок уже тянулся из-под центроплана американца.

Чэн перевел взгляд на «голубую ящерицу» и с облегчением увидел, что она невредимой перешла на вираж вокруг падающего американского самолета.

Увидев пылающий самолет американца, Фу с досадою ударил по колпаку. Он не заметил, кто зажег самолет, но было ясно: все усилия, все хитрости пошли насмарку. Кто-то помешал посадить американца, кто-то из своих погорячился.

Задание было сорвано. Оставалось драться, как всегда. Фу собрал свои самолеты. Бой продолжался по привычной программе...

Чэн прозевал приказание ведущего и не заметил, что к Фу собираются все товарищи. Увидев пламя там, куда уперлись трассы его очереди, он забыл обо всем, кроме возможности бить еще и еще. Были забыты все обещания, данные самому себе. Чэн больше не думал ни о строе, ни о товарищах. Его помыслы были заняты поисками цели, в которую можно было бы послать следующую очередь. Все, чему он учился когда-то, все, чему столько лет учил других, собралось сейчас в руке, охватившей штурвал. Тут, в этой невзрачной дюралево́й трубе, оплетенной затертым шпагатом, был сейчас весь смысл его жизни. Хотелось взять от машины все, что могут дать полторы тысячи лошадиных сил, зажатых в моторе. Чэн испытывал полное слияние с машиной, которое приходит в восторге полета. Крылья казались продолжением собственных рук, каждое движение кисти, каждый нажим ступни – естественными, как шаги при ходьбе. И над всем главенствовало и все подавляло одно непреодолимое, ни с чем не сравнимое желание: стрелять! Ведь он стрелял боевыми зарядами, стрелял не по холщовым мешкам конусов, не по щитам мишеней, – его выстрелы должны были настичь уклоняющегося, сопротивляющегося врага.

Еще два раза он отчетливо видел, как под его выстрелами загорались вражеские самолеты.

Значит, сегодня три!

Три!

Целых три!

А может быть, только три? Всего три сбитые машины за целую вечность, что он кружится в жарком просторе высоко над землей.

Чэн заставлял машину проделывать целую цепь сложных фигур, чтобы занять выгодную позицию. Эта позиция была ему нужна всего на долю секунды. Доля секунды – и тогда будет четвертый трофей за день.

Сделав вид, будто хочет атаковать врага в лоб, и якобы не выдержав сближения, Чэн задрал нос самолета, уверенный, что сам находится вне прицела. На себя, еще на себя, пока машина не войдет в перевернутый полет! А там, неожиданным для врага иммельманом, окатиться у него на хвосте и прямой очередью послать жертву вслед первым трем. Четвертого врага за день!..

Но что же это?! Крик удивления и досады едва не вырвался из груди Чэна, а может быть, и вырвался, да он сам его не услышал за ревом мотора. Перебои, несколько коротких перебоев мотора! Быстрый взгляд на бензиномер: ноль! Как он мог прозевать, что баки пусты?! Как мог, как смел? Он, инструктор Чэн!..

Ненависть к самому себе, страх перед тем, что должно сейчас произойти, на миг заполнили мозг. Но тотчас же все вытеснила мысль, что машина заваливается помимо его воли, что он не довел маневр до конца. Не отрывая глаза от прицела, Чэн держал палец на спуске, но вражеского самолета все не было в поле его зрения. Не было и не могло быть – ведь иммельман не состоялся. Вместо того чтобы выйти в хвост противнику, Чэн сам подставил ему брюхо своего самолета. Один миг растерянности, едва уловимая доля секунды! Но ее было достаточно, чтобы внезапно просветленным разумом схватить все и услышать звон своей бурно пульсирующей крови. Чэн понял: дробный стук, который он слышит, не что иное, как пули врага, прямая очередь, ударившая по его самолету!..

Чэн пошевелил педалями – тут все было в порядке. Надежда блеснула из-за темного занавеса, которым было закрылось уже все.

Чэн толкнул штурвал от себя, потянул на себя, из стороны в стороны. Он поддавался чересчур легко. Рука летчика не испытывала сопротивления, и машина никак не реагировала на ее движения. Что же, значит, управление потеряно? Чэн оттолкнул колпак и покосился за борт. Машина шла со снижением. Под нею, сменяясь молниеносной чередой, неслись разноцветные ковры земли.

Чэн смотрел на них и ждал, когда вражеский летчик пошлет последнюю, заключительную очередь. В том, что эта очередь будет, он ни минуты не сомневался. Не сомневался и в том, что тогда ему останется одно – парашют.

Чэн оглянулся, желая по положению противника определить возможное время этого финала: вместо одного самолета за ним шли уже два. Но оба были своими! Это были товарищи, по-видимому вмешавшиеся в бой именно в тот момент, когда Чэну грозила верная гибель.

Он окинул взглядом приборы. Самолет шел поразительно спокойно в пологом, но точном планировании. Чэну оставалось подумать только о том, чтобы посадить его в целости. Можно было сохранить не только себя, но и материальную часть, – это было хорошо!

Чэн взялся за кран выпуска шасси и потянул на себя штурвал. Но теперь штурвал не поддавался. Еще усилие – и опять напрасно. Руль высоты был заклинен или повреждено управление. Истребитель, вместо того чтобы перейти в горизонтальный полет, еще увеличил угол планирования. Чэн услышал усилившееся пение воздуха и сообразил, что намерение посадить машину на колеса – пустая фантазия. Не было никакого смысла выпускать шасси при отсут-

ствия контроля над движениями самолета, – это могло привести только к аварии. Если самолет подойдет к земле нормально, то садиться нужно на брюхо.

Но через секунду Чэн убедился в том, что и такой надежды у него нет, – машина не снизится правильно. К тому же движение ее все ускорялось, снижение делалось все круче. Да, кажется, спасти истребитель не удастся! Эта мысль невыносимой тяжестью давила на мозг, на все существо Чэна. За годы работы в школе он привык к тому, что даже пустячная авария – несмыаемый позор для инструктора. А теперь ему оставалось только спасти собственную жизнь...

Чэн освободил защелку колпака и снял ноги с педалей. И тут, словно почувствовав окончательную свободу, самолет несколько раз беспорядочно рыскнул в стороны, задрался и скользнул на хвост, потом вдруг свалился на крыло и завертелся в витках штопора. Времени терять было нельзя. Тяжелый комбинезон стеснял движения, и только тут Чэн понял, до какой степени он утомлен боем.

На малой высоте стало очень тепло, и белое сразу облепило тело горячим компрессом. Чэн не без труда стянул перчатки и проверил карабины парашютных лямок. Мысли были сосредоточены на том, чтобы выбраться правильно. На память пришли наставления школьных инструкторов-парашютистов. Когда-то он слушал подобные наставления, уверенный в том, что уж ему-то, инструктору Чэну, они не понадобятся...

Чэн с трудом протиснулся в вырез кабины, ставший вдруг непомерно узким и неудобным. Центробежная сила сбрасывала тело в сторону, противоположную вращению машины. Его прижимало к стенке кабины так, что казалось, никогда не удастся от нее оторваться. Чэн напряг все силы в единственном желании прекратить эту смертельную связь с самолетом и вдруг, неожиданно для себя, понял, что свободен. И тотчас так же отчетливо понял, что отделился совсем неправильно, вовсе не так, как учили в школе. Как бы в подтверждение этой мысли, он тут же получил удар крылом. Удар был так силен, что Чэну показалось, будто его спина переломилась. В глазах потемнело, и смутно, сквозь туман, Чэн почувствовал, как его тело, словно выброшенное катапультой, вылетело из орбиты вращения самолета...

Если бы удар не пришелся по туго сложенному в чехле парашюту, крыло, вероятно, переломило бы Чэну спину. Ему уж едва ли удалось бы осознать, что парашют вышел из чехла без помощи человека, освобожденный ударом крыла.

Произошло то, чего избегали в этих местах все товарищи, – прыжок без затяжки, делавший летчика мишенью для преследовавших его врагов. Мысль об этом была нестерпимо острой. Чэн даже забыл о только что виденных им в воздухе самолетах друзей. В подтверждение слышанных им предостережений четко пропело несколько пуль, донеслись хлопки пулеметной очереди. Чэн поднял голову и увидел стрелявшего по нему гоминьдановца. Но тотчас же за ним заметил и двух своих, гнавших врага на запад. Все три самолета исчезли из поля зрения Чэна, скрывшись за куполом парашюта.

Летчик пытался уменьшить снос. Но ветер гнал его очень быстро. Чэну показалось, что где-то высоко над ним самолет сделал круг и ушел на запад.

Чэн сосредоточил все внимание на посадке. А когда он освободился от парашюта, то вокруг царил такая томительная тишина, что на секунду показалось: именно тут, в этой тишине, наступит конец всему. Но он тотчас совладал с этим чувством и принялся старательно складывать парашют, по всем правилам, как, бывало, учили в школе молодежь...

Машина, высланная по указанию летчиков, нашла его к вечеру.

Сквозь мутную пелену дождя очертания гор казались расплывшимися. Из желтых циновок, закрывавшие входы пещер, стали темно-серыми.

Дождь надоедливой дробью шуршал по промасленной бумаге решетчатых дверей. Все, что было в пещерах, – постели, одеяла, одежда, даже доски столов и ящики, служившие сиде-

нями, – все стало влажным. Большинство летчиков было погружено в сон, а кто не спал – бранил метеоролога. Если бы не его благоприятные предсказания, день наверняка был бы объявлен нелетным.

Тогда состоялось бы партийное собрание, которое откладывалось со дня на день из-за напряженной боевой работы и для которого у каждого назрели вопросы. Но удивительный оптимизм метеоролога держал командование полка и летчиков в постоянном напряженном ожидании возможного вылета. В таких обстоятельствах оставалось одно: спать под унылый шум дождя.

Лагерь полка казался вымершим. Даже комары приуныли, и только те, которым удалось пробиться за циновки, прикрывавшие вход в пещеры, с обычным рвением досаждали летчикам.

В командирской пещере, опустив ноги с кана, сидел Фу. Напротив, за маленьким столом, сидел Лао Кэ. Одной рукой он подпирает щеку, другой, вооружившись спичкой, ворошил окурки в старой жестянке.

– Вам бы, извините за мнение, учителем быть, а не истребителями командовать, – сказал Фу, продолжая разговор.

– Для меня это одно и то же... Я думал, мы с вами сходимся в мысли, что бой – школа. К тому же самая строгая школа!

– Вы чрезвычайно правы: строгости много, – усмехнулся Фу.

– И ученики в ней разные бывают – плохие и хорошие... Вам опять повезло на «трудного»... Я говорю о Чэне.

Фу сжал сигарету так, что табак рассыпался.

– Такие «индивидуалисты» высокого полета здесь только помеха. Нам доверили это небо, и мы никому не можем позволить гоняться за личными трофеями ценою общей победы. Я настаиваю на том, что Чэн нам не подходит.

– Вы меня радуете: на этот счет у нас с вами одно мнение.

Фу рассмеялся:

– Вас невозможно вызвать на спор!

– А я и в самом деле с вами совершенно согласен, – с полной серьезностью сказал Лао Кэ. – Чэн в слетанной части действительно не годен.

– Правильно.

– И наша обязанность... – Лао Кэ умолк, старательно раскуривая трубку. – Когда от нее поднялась голубая струйка, он не спеша отогнал дым движением руки и договорил: – Вот я и говорю: наша обязанность сделать так, чтобы он был годен.

Фу в сомнении покачал головой.

– Он не из тех, кого переломишь: упрям и... староват.

– И мне так кажется: упрям и недостаточно молод, чтобы его ломать. Если переломится, никуда не будет годен. – Лао Кэ сделал глубокую затяжку и, прищурившись, поглядел в глаза заместителю. – Не ломать его, а гнуть будем.

Фу рассмеялся и проговорил:

– Рассердиться бы на вас, обидеться за то, что вы меня учите! А мне, как всегда после разговора с вами, легче: словно понял что-то новое, хотя знаю все не хуже вас...

– А вот поначалу, когда вас к нам только что назначили, вы мне показались... не смею сказать...

– Ну, ну?... – с усмешкой спросил Фу.

– Ходит человек, молчит. Словно в себя все время смотрит. Даже после боя, когда у всего народа языки ходят.

– Языки – это от возбуждения, – сказал Фу. – Но вы не правы. Я тогда не в себя смотрел, а в людей вглядывался. Понять их нужно было.

– Это вы же меня научили людей распознавать! – одобрительно сказал Лао Кэ. – Но больше всего мне сначала не нравилось, что вас ничем нельзя было из себя вывести. Даже показалось мне, что вам все на свете безразлично: и люди наши и дела... Это пока я вас не разобрал.

– А теперь, решаюсь спросить, разобрались?

– Думаю, да. Я благодаря вам и людей-то вдвое больше любить стал. Раньше только смотрю: ходит летчик, живет, дышит, дерется плохо или хорошо. Ну, разумеется, меня интересовали их взгляды, мысли, даже семейные дела, но вот так, привязаться к каждому из них и вникнуть в их души... этому, я думаю, научился от вас, дорогой мой Фу. – Лао Кэ подумал и с оттенком сожаления сказал: – Значит, и командиром-то я настоящим стал только после вашего приезда. – Лао Кэ встал, прошелся взад и вперед по тесной пещере. – И чем больше я их всех люблю, тем мне трудней... Я где-то читал, будто отец любит сына, а когда тому в бой идти, не пускает, убивается. И пишут: это от любви. Но, по-моему, это неправда! Я по себе сужу: когда нашему полку сложное одиночное задание дадут, посмотрю я на свой народ и думаю: кого же из них больше всех люблю?.. Кто мне дороже всех, того и посылаю.

Фу вскинул на него взгляд и удивленно сказал:

– А я ведь думал, это у меня одного...

Ему помешал договорить телефонный звонок. Лао Кэ взял трубку полевого аппарата, выслушал и отдал приказание:

– Пришлите его ко мне. – И, не глядя на Фу, сказал ему: – Чэн прибыл с места посадки.

– Боюсь я все-таки... – начал было Фу и замялся. Потом, сделав над собою усилие, договорил: – Боюсь, не выйдет из него ничего...

– Трудный ученик.

– Пусть едет в тыл.

– Командование прислало его из тыла сюда.

– Оно ошиблось.

– А мне этого не кажется. – Лао Кэ покачал головой. – Нет, мне этого не кажется. По-моему, отправляя в наш полк одного из самых старых инструкторов школы, командование считало, что в настоящий момент каждый летчик здесь нужнее, чем в школе. Так же, как было время, когда командование справедливо считало, что каждый хорошо летающий человек в школе нужнее, чем на фронте, где у нас тогда почти не было самолетов... К тому же, товарищ Фу, мне казалось, что вы личный друг генерала Линь Бяо?

– Мы вместе начинали жизнь.

– Вот видите. Значит, он вам близкий человек, а вы уже забыли, что он говорил нам совсем недавно, когда мы прибыли на этот фронт.

Фу опустил глаза.

– Мне кажется, я помню все.

– И все же я позволю себе напомнить вам, что Линь Бяо сказал тогда: «Летчики, от вас будет в большой степени зависеть наш успех на участке фронта, являющемся для данного времени едва ли не самым важным». Помните, Фу?

– Помню.

– И он сказал еще: «Замкнуть кольцо окружения гоминьдановской группировки возле Цзиньчжоу – значит выбить из рук Чан Кай-ши дубину, которой он хотел ударить в затылок Народно-освободительной армии Центральной равнины генерала Лю Бо-чена. От вас, летчики первого полка, будет зависеть, удастся ли Чан Кай-ши и его американским сообщникам по-прежнему быть хозяевами в воздухе над головой нашей Дунбейской армии. Я прошу ваш полк в целом и каждого летчика в отдельности прислушаться к словам председателя Мао Цзедуна. Он поставил перед нами задачу разгромить Чан Кай-ши под Цзиньчжоу и Мукденом,

чтобы открыть Дунбейской народно-освободительной армии путь в Северный и Центральный Китай». Разве не так сказал нам тогда генерал Линь Бяо?.. Я спрашиваю вас, товарищ Фу, так?

– Так.

– «Прошу каждого прислушаться к словам председателя Мао Цзе-дуна». Значит, генерал Линь Бяо просил об этом и летчика Чэна.

– Чэна тогда еще не было в полку.

– Но он уже ехал сюда. Значит, генерал Линь Бяо имел в виду и его, обращался и к нему, требовал и от него выполнения мудрых указаний председателя Мао Цзе-дуна.

– Тем хуже для Чэна, если он этого не понял, – проворчал Фу.

– Значит, мы с вами должны ему объяснить, какое огромное значение имеет наша борьба за воздух на фронте Дунбейской армии. А вы вместо того хотите отправить его в тыл.

– Могу вас уверить, Лао Кэ, – возразил Фу, – генерал Линь Бяо обращался к кому угодно, только не к нарушителям боевой дисциплины.

– Вот тут я теряюсь, мой друг Фу, совершенно теряюсь: а не мог ли генерал Линь Бяо иметь в виду именно их в первую очередь?

Фу смотрел на командира с недоумением, хотя в душе он и признавал справедливость этих нравоучений.

– У летчика Чэна психология неисправимого одиночки, – сказал он.

– Неисправимого?

– Мне так кажется.

– А летает он хорошо.

– Разве я это отрицаю?

– И если бы не этот «одиночка», то вы ходили бы теперь не с легкой контузией, а было бы у вас настоящее решето вместо спины. Ведь пирата, повисшего на вашем хвосте, именно Чэн снял!

– Позвольте узнать, – сказал Фу, – вы серьезно полагаете, будто я мог бы изменить свое отношение к Чэну, если бы даже был совершенно уверен, что именно он спас мне жизнь? Вы так думаете?.. Впрочем, дело не в этом... Я полагал, что вы тоже понимаете: командованию нужен был новый «Икс». Какие же тут могут быть разговоры! Если бы вы могли обеспечить исполнение задания, умерев дважды, разве вы не пошли бы на это?.. Словно я вас не знаю... Да что там: «Вы, я»! Разве каждый из наших людей не отдал бы жизнь дважды и трижды за исполнение боевого приказа?! Что тут говорить!.. А вы хотите, чтобы я за то, что Чэн избавил меня от дырки в спине, простил ему нарушение этого приказа... Извините, командир, но мне кажется, что вы говорите не то, что думаете!

– Вот что я позволю себе сказать вам, товарищ Фу, – мягко проговорил Лао Кэ. – Конечно, вы правы: каждый из нас даст себя разрезать на части, если это будет условием исполнения воинского долга. Но вспомните, чему учит нас партия о ценности человеческой жизни!

– На войне жизнь часто бывает ценою выполнения приказа, – горячо возразил Фу, – и никому из нас не дано рассуждать, стоит ли данный приказ моей жизни или нет.

Лао Кэ поднял руку, чтобы остановить Фу.

– Как вы думаете, – спросил он, – вышибая врага из-под хвоста вашего самолета, Чэн рисковал жизнью или нет?

– Мне странно слышать такой вопрос! – Фу пожал плечами.

– Значит, спасая вашу жизнь, он готов был принести в жертву свою.

– Допустим. Что с того? Мотивы нарушения приказа меня не интересуют. Неумение или нежелание справиться с самим собою...

– Если нежелание, я на вашей стороне! А если неумение, тогда как?..

Лао Кэ, по-видимому, хотел сам себе и ответить, но ему помешал раздавшийся у входа громкий голос Джойса.

– Разрешите войти? – И, получив разрешение, негр быстро заговорил: – Инженер полка приказал обратиться к вам: можно принимать новый самолет для летчика Чэна?

После минутного раздумья Лао Кэ вопросительно посмотрел на Фу, но тот стоял, отвернувшись, словно разговор его не касался. Командир сказал Джойсу:

– Свое решение я передам начальнику штаба.

– Хорошо! – упавшим голосом произнес Джойс. – Разрешите идти?

Лао Кэ отпустил его молчаливым кивком головы.

Едва Джойс вышел, Фу, резко повернувшись к командиру, быстро заговорил, как если бы разговор их и не прерывался:

– Даже если оставить вопрос об этом «янки-Икс», хотя отбросить его нельзя, и тогда Чэн виноват: он бросил строй вопреки моему приказу. Когда я скомандовал «за мной», он счел мой приказ необязательным. Почему, я вас спрашиваю?

– Прозевал ваш приказ.

– Ах, прозевал! Мы не на свадьбе гуляли, а дрались с врагом.

Лао Кэ покачал головой и сказал:

– Беру Чэна в свое звено.

Несколько мгновений Фу сидел неподвижно и молча глядел на командира, потом отыскал свой упавший с кана шлем и, сердито надев его, так же молча вышел.

Дождь все продолжался. Темные, плотные, как комья свалявшейся серой ваты, облака тяжело ползли над самой землей. Они цеплялись за возвышенности, задерживались, оплывали и проливались дождем.

Фу остановился. Ему хотелось спокойно подумать. Давно у него не было такого сильного желания побыть одному. Казалось, даже собственное движение мешало его думам. Понадобилось усилие воли, чтобы заставить себя взглянуть на часы: скоро должен приехать Чэн. При воспоминании о нем в первый раз пришла ясная мысль, что, по существу говоря, они ведь поменялись ролями со своим бывшим учителем. И не рискует ли Фу сделать теперь то, что в свое время сделал Чэн: списал из школы человека, из которого вышел и летчик и командир. Не лучше ли было бы, если бы тогда, семь лет назад, Чэн терпеливо изучил своего ученика Фу Би-чэна? Инструктор не заставил бы учлота потерять время, довел бы его переобучение до конца...

Фу стянул с головы шлем и подставил голову дождю. Но и влага не давала прохлады. Казалось, даже дождь падает в этих местах подогретым. Вода стекала за воротник куртки, теплая, противная, как пот. Фу жадно втянул воздух. И он был парной, даже, кажется, пахнул гнилью.

Фу остановился: мимо него, разбрасывая грязь, проехал автомобиль. За его стеклом Фу заметил Чэна.

Фу медленно зашагал к командирской пещере. Войдя к Лао Кэ, спросил:

– Позвольте говорить откровенно?

– А разве между нами бывало иначе?

– Я знаю, моя обязанность переговорить сейчас с Чэном, но, если можете, сделайте это вы...

Лао Кэ посмотрел на него с удивлением.

– А вы мне не расскажете, что у вас там накопело?

– Ничего особенного, – неохотно ответил Фу и, порывшись в кармане, достал сигареты.

– Где же ваша откровенность?

Фу опустил сигареты в карман, так и не закулив.

– Помните, я вам когда-то рассказывал, как меня отчислили из школы, не дав закончить переподготовку.

– Но ведь потом вы все же вернулись к полетам.

– Вернуться-то вернулся, но такие вещи не забываются... Инструктор, настоявший на моем отчислении, – Чэн.

Оба помолчали.

Лао Кэ протянул руку:

– Давайте закурим.

Фу снова вынул сигареты. Оба не спеша закурили, словно это и было единственным, ради чего они тут встретились.

– Перестаньте думать об этом Чэне, – сказал Лао Кэ. – Он будет летать в моем звене.

– Вы должны понять, – возразил Фу: – для меня это не выход. Заняться Чэном должен я сам.

Лао Кэ внимательно посмотрел на Фу и спросил:

– А переговорить с ним?

– Это другое дело. Вам он больше поверит. Вы ведь не были его учеником. А сохранить его... нам действительно нужно.

Обнажая свои ровные зубы, Лао Кэ рассмеялся так просто и хорошо, как смеялся всегда.

Фу дружески кивнул головой и поспешно вышел из пещеры, чтобы не встретиться с Чэном.

Глава 9

Несмотря на сухую пору лета, рикша с трудом вытаскивал ноги из чавкающей уличной грязи, покрывающей улицы предместья Тяньцзина. Узкий след, прорезаемый в черном тесте грязи тонкими ободьями колес, долго не заплывал.

Паркер машинально следил за тем, как напрягаются мускулы на спине рикши. Блуза китайца промокла от пота и облепила тело так, что оно казалось политым темно-синей краской.

Паркера заинтересовало лицо рикши. Американец никак не мог его вспомнить, хотя Харада одалживал ему этого рикшу много раз. Американец с неудовольствием отметил в себе эту новую черту: невнимательность. Он, безусловно, распустился. Его глаз должен был чисто механически зафиксировать лицо китайца. Пусть рикша всего только несовершенная лошадь, которой не хватает двух ног, профессионально тренированная память разведчика обязана была по первому требованию Паркера выдать стати этой лошади. Да, он непозволительно распускается! Годы? Едва ли. Скорее, разлагающее влияние слишком большой уверенности, в которой пребывают здесь американцы даже теперь, когда с каждым днем яснее становится, что удержаться в Китае им удалось лишь ценою новых больших затрат и усилий.

Нужно подтянуться! Недоставало еще, чтобы он начал разъезжать на автомобилях, как все эти развязные ребята из штаба Баркли. Нет, его правило останется твердым: в каждой стране стараться жить так, как живет ее собственное большинство. Разумеется, не то большинство, которое впрягается в рикши, бродит по этим грязным улицам, задрав штаны до колен, и пожирает у харчевен какую-то вонючую дрянь, завернутую в капустные листья. Нет, он не собирается разыгрывать американо-китайского Лоуренса. Но нужно жить хотя бы так, как живет китаец-купец, чиновник, офицер. Паркеру не следует выделяться своими привычками и нравами белого человека. И очень жаль, что его костистая физиономия, обтянутая багровой блестящей кожей, словно только что пересаженной со спелого томата, не оставляла никаких иллюзий относительно его национальной принадлежности – от него на целую милю разило англосаксом.

Паркер знал, какую важную роль эта страна призвана сыграть в американском наступлении на Советский Союз. Но он был реалист. Он понимал, что здесь только снаружи все выглядит благополучно, и был уверен, что янки придется много повозиться с желтыми, прежде чем удастся использовать их как ударную силу против Советов. Сначала нужно навести порядок в собственном хозяйстве старого разбойника Чан Кай-ши. Нужно дать ему в руки американскую метлу и научить работать по-американски. Его война с красными давно перестала быть частным делом «четырех семейств». Теперь в борьбе с коммунистами в Китае заинтересована Америка. «Завоевать Китай руками самих китайцев», – этот японский лозунг стал американским. Именно в этом генеральная задача всех этих чанов, кунов, сунов, чэней и прочей падали.

Баркли на днях говорил, что за один январь текущего 1948 года Чан Кай-ши передано сто тысяч тонн американского вооружения, находящегося на островах Гуам и Сайпан. А материалы, предоставленные Штатами для арсеналов в Мукдене, Чунцине, Ханькоу, Нанкине, Шанхае, Сучжоу, Пекине и Тяньцзине! Три с половиной миллиона тонн оружия, переданного старому бандиту в предыдущем году, вероятно, перешло в руки красных, а вторую половину Чан потерял в боях с войсками Мао Цзе-дуна. Без малого шесть миллиардов долларов, которых уже стоила Штатам война в Китае, кажутся Паркеру достаточным основанием для слов Ведемейера: «Мы должны оказывать военную поддержку и вооруженную защиту нашим экономическим инвестициям повсюду, где какие-либо силы угрожают тому, что дорого нашему сердцу». Будь Паркер на месте тех, кто сидит там наверху, в Вашингтоне, он задал бы хорошую трепку красным. Уж он не стал бы прятаться за спину старого кретина Чана, а пустил бы в ход американских парней.

Городок-другой, где нет американских вложений, он угостил бы атомным гостинцем. Знали бы китайцы, кого нужно слушаться! А то дело дошло до того, что чанкайшисты начинают поучать янки: «Ключи ко всей американской политике и к стратегическим планам Штатов лежат в оказании противодействия Советскому Союзу. Поэтому американская политика во всех частях света должна координироваться с этих позиций. А американцы рассматривают Китай как некий иной мир, как какой-то частный вопрос. Между тем именно Китай является центром построения антисоветского плацдарма в Азии!»

Каково! Будто янки сами не знают, что и как они должны координировать.

Хорош плацдарм, который расплзается, как старая штанина! Негодяи из шайки Чана умеют только прятать золото, попадающее к ним из кармана американцев, а делать дело?.. Они, видите ли, надеются, что Соединенные Штаты «будут энергично и полной мерой» помогать разгрому вооруженных сил китайских коммунистов. Стюарт явно либеральничает. Разговаривать с чанкайшистской шайкой нужно так, как говорил Ведемейер после своей поездки по Китаю: «Милостивые государи, хорошее лекарство никогда не бывает сладким. Потрудитесь браться за дело или...» У его слушателей глаза лезли на лоб от желания доказать, что они готовы на все, лишь бы не это «или»...

Пожалуй, единственное толковое дело, проведенное Стюартом за последнее время, – посылка Ли Цзун-жэня на пост вице-президента вопреки желанию Чан Кай-ши. Только напрасно в Америке полагают, что ставка на Ли Цзун-жэня – игра на новую лошадь. Старая лиса Ли Цзун-жэнь – это только новый хвост от той же гоминьдановской клячи. Едва ли она с этим хвостом побежит резвее, чем со старым. Как бы там ни было, на американские денежки к нынешнему дню вооружено около ста гоминьдановских дивизий, а не меньше полусотни из них Чан Кай-ши умудрился потерять в боях с красными. Туда же, к Мао Цзе-дуну и Чжу Дэ, ушло и все американское вооружение этих дивизий.

Паркер не мог не понимать того, что было очевидно всем: китайский народ против Чан Кай-ши и американцев, он за коммунистов; избежать гнева пятисот миллионов китайцев можно, но для этого США пришлось бы повернуть курс своей политики на сто восемьдесят градусов, то есть плюнуть на все то, ради чего янки сюда явились, признать, что коммунистическая партия во главе с Мао Цзе-дуном есть единственный выразитель народной воли, отступить от Чан Кай-ши и немедленно обратиться самим из Китая...

Кто-то из американцев писал на днях, что Китай – комбинация зон и баз различного стратегического значения, необходимых американцам для того, чтобы господствовать в Желтом и Японском морях, и что нет такой силы на свете, которая заставила бы Штаты отказаться от создания таких баз в Китае и Корее. Подобный отказ был бы равносильным отказу от окружения Советского Союза. Он был бы признанием того, что Штаты должны снова стать тем, чем были полвека назад: лавочкой, торгующей со своими соседями по Западному полушарию...

Слуга покорный! На это не согласен даже он, Паркер: только-только наладились тут его дела с поставками в Китай риса. Если рассказать об этом какому-нибудь здравомыслящему парню, он, пожалуй, и не поверит, а между тем это именно так: руками Чана американцам удалось почти уничтожить в Китае рисосеяние. Китайцы могут выбирать: покупать рис в Штатах или подыхать с голоду. Правда, у янки они покупают тоже не американский рис. Своего риса в Америке не хватило бы и на половину поставок. Но до этого китайцам не должно быть никакого дела. Пусть получают японский и корейский рис из рук янки и гонят денежки...

Откинувшись на спинку колясочки, Паркер прикидывал в уме, что может ему дать последний контракт. Эти размышления так увлекли его, что он едва не проехал мимо лавки кондитера. Машинально заметив вывеску, Паркер спохватился и ткнул рикшу палкой в спину: – Стой, дуралей!

Когда рикша положил оглобли и обернулся, чтобы отстегнуть фартук коляски, Паркер увидел наконец его лицо. Оно было широкое, скуластое, покрытое густой осыпью рябин. Пар-

кер мысленно рассмеялся над несправедливостью к самому себе: конечно же, его взор многократно отмечал эту физиономию, но чем он виноват, что лица всех китайцев сливались для Паркера в одно?

Паркер вошел в кондитерскую Ван Сяна и едва не зажмурился. Ярко-апельсинная блестящая окраска стен, лоснящееся от жира, истекающего сквозь все поры, широкое желтое лицо Ван Сяна, желтая глазурь на печеньях – все это, подобно золотым рефлекторам, отражало яркий свет ламп.

Ван Сян дружески улыбался, а Паркер щурился, будто глядел на солнце.

– Прошу заходить. У нас всегда есть свежие ти-эн-ши.

Ван причмокнул языком, и у Паркера выделилась обильная слюна. Его связывали с кондитером не только деловые отношения: Паркер был лакомкой и с особенной охотой заглядывал на эту точку своей сети. Он всегда уходил от Вана со свертками жирного, тающего во рту печенья.

Потягивая холодный лимонный сок, Паркер молча указывал на то печенье, которое привлекало его сегодня. За месяц пребывания здесь он не перепробовал еще всех изделий Ван Сяна.

Ван ловко поддевал пастью серебряного дракона приглянувшиеся американцу печенья и клал в коробку, которую держал бой. Все трое при этом улыбались: Ван Сян любезно-снисходительно, бой восторженно, Паркер плотоядно. И все трое молчали.

Когда коробка была полна, и бой ушел в заднюю комнату, чтобы завернуть покупку, Ван Сян протянул Паркеру счет. Полковник, не глядя, сунул бумажку в карман кителя. Его ничуть не удивило то, что счет оказался заготовленным заранее.

Между ними не было сказано ни слова. Только когда Паркер сел на рикшу, Ван Сян, кланяясь ему с голубого порога, так же как при встрече, сказал:

– У нас всегда есть свежие ти-эн-ши.

Усевшись в коляске, Паркер проковырял дырочку в обертке и достал одно печенье. Взгляд американца машинально отмечал движение мускулов на икрах рикши, но его мысли были сосредоточены на маслянистом тесте, которое разминалось по нёбу, как нежный крем.

Приятное ощущение во рту вернуло Паркера к приятным мыслям. Он ел и думал о том, что, может быть, не так уж далек день, когда он вместо очередного донесения пошлет в Вашингтон заявление об уходе со службы. Еще две-три сделки с рисом – и он будет богат и независим.

До сих пор он ограничивался импортом риса, но теперь намерен расширить свои операции и в обмен на ввезенный китайцам рис вывозить их опиум. Знающие люди уверили его, что при некоторой ловкости опиум можно тут купить вдвое дешевле, чем у англичан, вывозящих его из своих колоний. Правда, ввоз этого зелья в Штаты запрещен законом, но Паркер уже знает путь, по которому следует идти, чтобы не испытать затруднений. Все необходимые адреса у него в кармане: англичанин – главный инспектор шанхайской таможни, инспектор таможни в Сан-Франциско, скупщики контрабанды...

Сейчас он огородит Баркли, разыгрывающего недотрогу: Паркеру сказали наверняка, что генерал занимается опиумом. У него можно получить товар дешевле, чем у кого бы то ни было другого, так как сам он черпает его из запасов, конфискованных у китайцев. Интересно, какую цену назовет Баркли? Или попытается корчить святую невинность?

Когда Паркер вошел в кабинет генерала Баркли, там шло заседание. Баркли кивком указал ему свободное кресло. Паркер тихонько уселся и, казалось, весь ушел в пережевывание своего печенья. Коробка была почти пуста, когда офицеры наконец ушли.

Генерал сам затворил за ними дверь и остановился перед Паркером.

– У вас завелись от меня секреты...

Это было сказано так, что Паркер не сразу понял: вопрос это или утверждение. Неужели старик пронюхал про его рисовые комбинации?.. Впрочем, какое кому дело до его частной жизни!

Чтобы дать себе время подумать, Паркер стал не спеша щелчками сбивать с рукава крошки печенья. Потом, не глядя на генерала, пустил пробный шар:

– Задание было так секретно, что... – он не договорил и выразительно пожал плечами.

Генерал с досадой ударил костяшками пальцев по столу.

– К чертям, Паркер! Можете им сообщить, что в расположении моей армии...

Паркер посмотрел на него исподлобья.

– В том-то и дело, сэр, что ваша армия тут ни при чем.

– Что вы болтаете! Не хотите же вы передавать китайским куклам то, что скрываете от меня?

– Стань я докладывать свои дела вам, вы неизбежно должны были бы за них и отвечать. Оставьте это нам.

– Пока вы не навяжете мне какого-нибудь сюрприза?

– Я не рождественский дед, сэр.

– Можете бросить игру в жмурки! Мои ребята уже донесли мне...

Баркли на минуту замолк, но, видя, что Паркер остался спокоен, закончил:

– Вы отправили самолет в Монголию. Куда и зачем?

– Меня взгреют, если хозяева узнают, что я проговорился.

– Мне?

– Даже вам.

– Выкладывайте все начистоту или...

Паркер вопросительно посмотрел на генерала. Тот снова стукнул пальцами по столу и решительно закончил:

– ...или я пошлю вас ко всем чертям!

– Разрешите мне так и донести?

– Хоть Господу Богу.

– Слушаю, сэр.

– Без шума приехали, так же неслышно и уберетесь.

– Слушаю, сэр, – невозмутимо ответил Паркер.

А Баркли крикнул:

– Притом сегодня же!.. Мой характер вы знаете.

– Видите ли... план носит у нас условное название: «Будда». Он очень прост: когда придет приказ, я должен послать в эфир музыкальную программу «Джонни хочет веселиться».

Баркли сидел за столом, сложив руки на груди, и следил за каждым движением губ Паркера. Когда тот замолчал, у Баркли вырвалось нетерпеливо:

– Ну, ну?!

– По первому сигналу мой человек в Монголии выкладывает знаки для посадки самолета. Пункт замечен по очень характерным развалинам монастыря... – И Паркер в общих чертах изложил суть поручения, возложенного на Хараду и Бельца.

– В какой стадии все это дело? – спросил Баркли.

– Человек в Монголию отправлен. Его повез Бельц.

– Немец?

– Да.

– Он уже вернулся?

– Нет.

– Значит... авария?.. Не думаете же вы, что присутствие немца – залог успеха операции?

Теперь в голосе Баркли зазвучала нескрываемая насмешка. Паркеру даже показалось, что Баркли рад его неудаче. Поэтому он сказал с особенной небрежностью, которую мог себе позволить человек независимого положения:

– В таких случаях осечек не дают, сэр.

– У нас с вами разное понятие об осечках, Паркер.

Словно поясняя то, что генерал должен был бы понять сам, Паркер сказал:

– Если у них произошла вынужденная посадка или что-нибудь в этом роде, немец не попадет к монголам живым.

– Вы слишком высокого мнения о немцах, Паркер, – возразил генерал. – Бельц не станет пускать себе пулю в лоб.

– Зато с ним есть другой человек, который...

– Кого повез Бельц?!

– Вполне опытного японца.

– Безрассудно было рисковать им, спаривая его с немцем.

– Не мог же я доверить такое дело китайскому летчику, сэр. В глазах каждого из них мне чудится насмешка.

– Сказали бы мне вовремя, и я дал бы вам сколько угодно японских пилотов.

– В жизни не встречал японца – хорошего летчика, – усмехнулся Паркер.

– Наши учебные центры уже дали мне партию вполне доброкачественного товара. Одна Иокосука тренирует больше летчиков, чем сами японцы были бы способны выпустить из всех своих школ.

– Все это мусор, сэр.

– Честное слово, Паркер, это такой народ, что я спокойно доверил бы им любую операцию. – Генерал улыбнулся и поспешно добавил: – Конечно, не такую, которую я поручил бы нашему парню, но все же.

– Вот именно: «все же».

– Не пройдет и двух-трех лет, как мы создадим отличный летный корпус из этих обезьян.

– Через два года тут все будет кончено. Чан сам отрубит головы всем китайцам.

Баркли расхохотался:

– Это действительно то, о чем мечтает старый мошенник: отрубить головы всем, кроме самого себя.

– Нет, он согласен сделать исключение для очаровательнейшей Сун Мэй-лин.

– Иначе он никогда не почувствует себя спокойно. Но, к сожалению, вы заблуждаетесь: суматохи здесь хватит еще надолго. Во всяком случае, мы сумеем сплавить сюда все, что не израсходовали в войне, – до последнего патрона и до последней банки колбасы. Будет куда девать и японских летчиков... Найдется дело.

– Жизнь научила меня не верить ни одному желтому человеку: китайцы, японцы, малайцы – они все стоят друг друга.

– Они годятся на то, чтобы бросить их в мясорубку под командованием наших собственных ребят.

– Боюсь, что среди наших ребят тоже появятся скоро слишком «сознательные», которые не будут годиться для настоящего дела.

– Однако мы отвлеклись, – прервал его Баркли. – Покажите мне место высадки.

Паркер подошел к карте и долго водил по ней пальцем.

– Можно сломать язык с этим названием, – пробормотал он. Наконец его палец остановился: – Вот здесь: Араджаргалантахит.

Генерал через его плечо обвел название карандашом.

– А как насчет «Джонни» и прочего?

Паркер пожал плечами.

– Это уже вне нас, сэр.

Генерал пристально посмотрел на полковника.

– Не хитрите, Паркер.

– Честное слово...

– А как вы будете знать, долетел ли этот ваш?..

– Харада?

– Да.

– Оба его голубя уже пришли – значит, он на месте.

– Вы не дали ему передатчика?

– Лама с передатчиком!.. Достаточно того, что у него есть приемник, чтобы поймать мою увеселительную программу.

Генерал несколько раз прошелся по комнате.

– Хорошо. Докладывайте мне о ходе этого дела.

– Непременно, сэр.

– В любое время: днем и ночью. Только бы китайцы пошли на эту удочку. Важно, чтобы Янь Ши-фан получил повод ворваться в Монголию и выйти в тыл Линь Бяо. А в остальном мы ему поможем.

– Мне тоже так кажется.

– Вы правильно делали, Паркер, что скрывали это даже от меня. – И вдруг подозрительно, исподлобья посмотрел на Паркера. – Этот план – все, что вы делали у меня за спиной? – И, словно машинально, повторил: – «Джонни хочет веселиться»... Ну что же, Джонни и повеселится...

– Но, честное слово, если хоть одна душа будет знать то, что я сейчас сказал... – жалобно проговорил Паркер.

Генерал остановил его движением руки:

– Есть вещи, которые никогда не станут достоянием даже самого кропотливого историка.

Паркер знал это не хуже генерала. Именно поэтому он, внимательно просмотрев по возвращении домой счет кондитера, свернул его трубочкой и держал над огнем свечи до тех пор, пока от бумажки не остались только черные хлопья. Но и на них Паркер дунул так, что они разлетелись в разные стороны.

Глава 10

Чэна наполняло чувством удовлетворения то, что, испытав аварию, вынудившую его к прыжку из самолета, он все же отправился не в госпиталь, а в полк. К тому же восторженное внимание, проявленное к нему пехотинцами при посадке, укрепляло его уверенность, что и дома, в полку, он явится героем дня. Может быть, ему будут даже завидовать: не каждому удастся за день сбить трех врагов! Правда, он потерял свою машину, но ведь ее ценою он спас от верной гибели заместителя командира и его самолет. Таким образом, баланс как будто сведен. Ему и в голову не приходило, что его могут считать виновником срыва боевого задания, что, вырвавшись из строя, он нарушил все планы Фу в дальнейшем бою.

По возвращении в полк, выслушивая Лао Кэ, Чэн не мог отделаться от мысли, что к нему придираются незаслуженно, пока командир терпеливо не доказал ему, что он действительно виноват.

Чэн сидел перед командиром, понуро опустив голову. Когда Лао Кэ кончил говорить, наступило томительное молчание.

Наконец командир сказал:

– Для вас, летчик Чэн, было бы лучше, если бы вы не были так уверены в себе. Может быть, тогда вы больше нуждались бы в товарищах и сами хотели бы чувствовать близость соседа.

– Вы убедили меня в необходимости этого чувства, командир.

Лао Кэ махнул рукою.

– В том-то и беда, что вас нужно было в этом убеждать, а не сами вы ощутили правильность нашей системы. – И, подумав, добавил: – Мне кажется, что вы считаете чем-то вроде одолжения со своей стороны, когда соглашаетесь впредь держать свое место в строю.

Эти слова были сказаны без обычной для Лао Кэ теплоты.

Поднимаясь с ящика, на котором сидел, Чэн почувствовал, как болит у него ушибленная крылом спина, – в пору было бы в постель. Но он сдержал гримасу боли и, выпрямившись, откозырял командиру. Он вышел из пещеры, полный решимости идти к Фу и переговорить с ним. Это было для Чэна нелегким испытанием, но он готов был пройти и через него.

Идя к пещере Фу, он вдруг заметил, что за время его беседы с Лао Кэ лагерь опустел. Было видно, как на ближайшей точке техники поспешно снимали чехлы с моторов. Значит, боевая готовность, а о нем даже не вспомнили!

Чэн стоял в недоумении: забыли о нем или намеренно бросили здесь, как наказанного школяра? Ведь никто не знает, что у него ушиблена спина. Для всех он здоровый, полноценный боевой летчик... Здоровый – конечно, но полноценный ли с их точки зрения?

Подумав, он поспешно пошел к себе, чтобы взять шлем и планшет и как можно скорее добраться до площадки. Даже попробовал пуститься бегом, но от боли в спине вынужден был снова перейти на шаг.

По дороге он увидел грузную фигуру Джойса. Негр сидел на корточках и с меланхолической сосредоточенностью сковыривал грязь со своих сапог.

– Почему вы здесь?! – сердито крикнул Чэн.

– А где же мне быть?

– Почему не на аэродроме?

– А что там делать?.. – Джойс чего-то не договаривал, и Чэн еще раз спросил:

– Да говорите же в конце концов, почему вы не у машины?

Джойс ответил медленно, словно насильно вытягивая из себя слова:

– Вам не назначили новой машины.

– Нет запасных машин?

– Есть...

– Так почему же?

Но тут же Чэн и сам понял все без объяснений: его оставили без машины. Он процедил сквозь зубы:

– Понятно!..

– Жаль, что вы не поняли этого в бою.

– В бою?!

– Если бы не ваша ошибка, то и задание было бы выполнено нашей частью, и самолет у вас был бы.

– Случайный срыв, – сам не веря своим словам, но не желая ронять своего достоинства, проговорил Чэн. – Не мог же я, в конце концов, предоставить американцу расстрелять нашего заместителя командира.

Джойс, не дослушав, зашептал торопливо, взволнованно:

– Что, если с самолетом это... не временно? Если...

– Вы с ума сошли?!

– ...говорят...

– Молчите!.. – Чэн боялся услышать, что говорят в полку.

А Джойс, грустно покачивая головой, укоризненно говорил:

– Кажется, я напрасно согласился ехать сюда вашим механиком. Болеть душой за всяких эгоистов...

– Я эгоист?!

– Неисправимый к тому же... Вы в бою, а у меня за каждый винтик в вашей машине душа болит. Сидишь тут в травке и все вспоминаешь, вспоминаешь: болтик там проверил ли, гаечку подтянул ли, шплинтик разогнул ли, тандерчик переменял ли? Ведь механик к своему сердцу так не прислушивается, как к мотору, когда его летчик на взлет идет!..

– Довольно!

– Это я вам сказать должен: довольно... – сердито огрызнулся Джойс. – Вся душа моя впереди вас в бой летела, а вы? Оттого что я тут, а не в воздухе, мне вдвое тяжелей.

– Знаете ли вы, что такое «тяжело»?.. Тяжело – это то, что сейчас со мною происходит...

– Сегодня я нечаянно услышал разговор Лао Кэ с Фу...

Взволнованный этим неожиданным заявлением, Чэн вплотную придвинулся к Джойсу.

– Я случайно услышал снаружи то, что говорилось в пещере. – И Джойс пересказал Чэну разговор командира с заместителем.

Чэна давил мучительный стыд. Рассказ Джойса одним толчком перевернул в нем представление о заместителе командира полка. В самом деле, какое значение могло иметь то, что он спас жизнь Фу в бою? Какое отношение это имеет к нарушению им, Чэном, боевого приказа? Значит, разбираясь в своих отношениях с Фу, он оказался еще раз не только не прав, но и жестоко несправедлив...

Он тихо произнес:

– Если меня отсюда отошлют, будет справедливо.

– Да... – грустно согласился Джойс. – К сожалению, это будет справедливо.

И вдруг Чэн как бы очнулся:

– Нет! Я имею право драться. Я же теперь понимаю: виноват! Возьму себя в руки, буду драться, как того требует обстановка. Не нужно мне эскадрильи, буду летать рядовым летчиком! – И, неожиданно повернувшись к Джойсу, крикнул вне себя: – И не смейте мне больше говорить об отчислении! Не будет этого! Не будет!

– А если так, то что ж вы тут? Идите, объясняйтесь.

– Они поймут: я исправлю свои ошибки.

– Они-то поймут... – загадочно начал было Джойс, но так и не договорил.

– Что? – с беспокойством спросил Чэн.

– Поспешить нужно с получением нового самолета, вот что.

– Да, да, верно! – несколько повеселев, воскликнул Чэн. – Идемте добывать самолет!

Когда он добрался до площадки, оказалось, что Фу уехал на командный пункт полка. От летчиков Чэн узнал: полковой врач Кун Мэй запретила Фу летать из-за контузии спины, полученной в последнем бою. Но со слов летчиков выходило, что Фу все же поехал к командиру договориться: он хотел сам вести вторую эскадрилью на задание.

Без Фу ни начальник штаба эскадрильи, ни инженер ничего не могли сказать Чэну о том, когда он получит новый самолет и получит ли вообще.

В той стороне, где находился командный пункт, в воздух метнулась красная ракета. Ноги сами подняли Джойса из травы, но ему оставалось лишь смотреть, как винты чужих истребителей засверкали на выглянувшем солнце дрожащими, переливающимися дисками.

Один за другим вступали в работу моторы, сливая гул выхлопа в один могучий рев. Джойс жадно раздул широкие ноздри, пытаясь уловить ни с чем не сравнимый чудесный запах перегретого масла. Ухо чутко вылавливало из стройного гула редкие хлопки выброшенной в глушитель смеси, пыталось поймать перебои. Нет, все было в полном порядке, хотя машины и были подготовлены к полету не им, не Джойсом.

Джойс опустился на корточки и, прищурившись, глядел, как качнулась «красная лань» на борту командирской машины. Вот она тронулась, побежала. Сквозь отбрасываемые истребителями тучи пыли Джойс видел, как между колесами «лани» и землей образовался просвет, как машина пошла в воздух, набирая высоту...

Самолеты исчезли в белесой дымке все еще облачного, но быстро прояснявшегося неба. Аэродром затих.

Рядом с лежавшим в траве Джойсом опустился Чэн. Негр только покосился на него, но не шевельнулся, не сказал ни слова. Так, молча, они лежали, впившись взглядом в горизонт, за которым исчезли самолеты.

Прошло не меньше часа. Чэн вдруг порывисто вскочил и, загородившись ладонью от солнца, стал вглядываться в небо.

– Один безусловно не наш! – сказал он наконец.

Посмотрев в направлении его руки, Джойс тоже заметил три самолета. Они шли по прямой с заметным снижением. Через минуту уже можно было ясно разобрать, что два истребителя гонят вражеский самолет. Всякая его попытка ускользнуть от преследования тотчас вызывала ясно слышимые на земле очереди истребителей. Тогда американец поспешно занимал прежнее положение между преследователями.

Чэн уже понял, что если снижение будет продолжаться под тем же углом, то встреча американца с землей – посадка или авария – должна произойти в районе аэродрома. Он прикинул расстояние и крикнул Джойсу:

– Надо его взять!

Джойс не уловил мысли Чэна, но, видя, что тот побежал к аэродрому, бросился следом.

Тем временем в воздухе происходила последняя стадия борьбы. Американец продолжал отчаянные попытки выскользнуть из-под истребителей, но те с прежней неумолимостью жали его к земле.

Когда положение сделалось уже совершенно безнадежным, американец, решив, по-видимому, что только добровольная посадка оставит ему все же некоторую надежду на спасение, выпустил шасси и выравнивал машину к посадке.

Едва его машина остановилась, откинулся колпак фонаря, и фигура в желтом комбинезоне выскочила из пилотской кабины на крыло.

– Смотрите, смотрите! – закричал Джойс. – Он хочет поджечь машину!

Американский летчик соскочил с крыла и в упор выстрелил из пистолета в центроплан своего самолета, где был, по-видимому, расположен главный бак. Но прежде чем ему удалось сделать второй выстрел, кулак Джойса свалил его с ног. Всею тяжестью своих девяноста шести килограммов негр навалился на американца.

Тем временем подоспел Фу и бегом направился к американскому самолету. Чэн двинулся было за ним, но тут до его слуха донеслись слова, произнесенные каким-то техником:

– К нам прибыли советские «Яки» – последняя покупка дунбейского народного правительства.

Чэн остановился как вкопанный: «Яки»! Это были советские истребители. Чэн уже летал на них в школе, а тут еще мало кто знал эту машину. Рой радостных мыслей помчался в мозгу летчика. Он нагнал Фу, рассматривавшего американский самолет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.